

вление. Первый помысль тѣлесенъ, а второе состояніе—духовное видѣніе и дивная благодать. Это видѣніе облечено въ свѣтлыя мысли. Имѣющій его не обращаетъ вниманія на міръ и не заботится о тѣлѣ своемъ» (Слово 86). Великій авва Варсонофій утверждаетъ, что человекъ, отбѣкающій свою волю во всемъ, имѣющій смиренное сердце и всегда смерть предъ глазами, можетъ спастись благодатию Божіей, и, гдѣ бы онъ ни былъ, имъ не овладѣетъ боязнь: такой задняя забывается, а въ передняя простирается. «Да укрѣпить мысль твою,—пишетъ этотъ преподобный отецъ нѣкоторому брату,—воспоминаніе о пришествіи смерти, часть которой неизвѣстенъ никому изъ людей. Постараемся дѣлать добро прежде, нежели перейдемъ изъ этой жизни. Не знаемъ, въ какой день будемъ позваны, чтобы не оказаться намъ неготовыми и не остаться внѣ чертога съ пятью юродивыми дѣвами, которыя взяли свѣтильники, но не взяли елея въ сосудахъ своихъ». Другому брату преподобный пишетъ: «уразумѣй, что время не медлитъ, и, когда настанетъ часть, вѣстникъ смерти неумолимъ. Кто молилъ его и былъ услышанъ? Онъ есть истинный рабъ истиннаго Владыки, въ точности исполняющій повелѣніе Его. Убоимся страшнаго дня и часа, въ который не защититъ ни братъ, ни сродникъ, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава; но будетъ лишь человекъ и дѣло его». «Хорошо человеку помнить смерть, чтобы навѣкнуть знанію, что онъ смертенъ; смертный не вѣченъ; невѣчный же и поневолѣ оставить вѣкъ сей. Чрезъ непрестанную память о смерти человекъ начинаетъ и произвольно дѣлать добро».

Конечно, такое памятованіе о смерти, соединенное съ вѣрою въ Божію любовь, уничтожаетъ палящее жало ея и уничтожаетъ ея страхи. И не нужно думать, что такая мысль о смерти отравитъ свѣтлое отношеніе къ жизни, дастъ мрачное настроеніе ожиданія конца... Нѣтъ: это чаяніе смерти освѣщаетъ жизнь новымъ свѣтомъ дѣлаетъ ее яснѣе и счастливѣе.

Постоянно носить въ себѣ память смерти Лиза Калитина (у Тургенева), но это не мѣшаетъ ей быть свѣтлой и свѣтитъ жизнерадостной и благостной улыбкой. Постоянно ходить подъ смертью Лукерья «Живыя мощи», но это ожиданіе смерти только дѣлаетъ ласковѣе ея сердце и обильнѣе любовь. И это естественно: архитекторъ, строящій чужой домъ, можетъ отдаваться съ любовью своему дѣлу, но съ еще большей любовью онъ построитъ домъ своимъ дѣтямъ. И, однако, и въ этомъ случаѣ радость отравляетъ мысль, что придетъ время и отъ дома останутся однѣ развалины. Творя добро, строя дѣло Божіе на землѣ, созидая съ Христомъ царство Божіе, человекъ здѣсь ведетъ ту постройку, которая продолжается и въ вѣчности.

Приготавливая брачную одежду для чертога Божія, душа, конечно, живетъ двойной радостью отъ мысли, что «бракъ не далекъ». Этой работой и этой надеждой была полна жизнь Богоматери и Ея путемъ идутъ тѣ, кто радостно ткетъ Христову ткань добраго житія: это приданое для небеснаго брака.

Епископъ Михаилъ.

Старообрядчество и русская культура.

„Альманашники и звѣздохоты и вси зодѣйщики познали Бога вышнюю хитростію, и неако Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми уподоблятися Богу своею мудростію начинающе“....

„О вышней мудрости“, посланіе священно мученика протопопа Аввакума.

Вопросъ о взаимоотношеніи старообрядчества и культуры, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ русской исторической жизни; великія событія нашего времени какъ будто ставятъ новыя преграды къ разрѣшенію этого вопроса, такъ какъ само понятіе «культуры», до сихъ поръ считавшееся болѣе или менѣе устойчивымъ, начинаетъ ставиться подъ вопросительный знакъ: «Современныя событія ставятъ по-новому проблему культуры вообще. Культура уже не можетъ остаться высшей цѣнностью. Въ какой мѣрѣ ей можно довѣрять? Существуетъ ли, найдется ли высшій критерій для оцѣнки самой культуры? Откуда взять этотъ критерій? Какова должна быть природа истинной культуры, т.-е. той культуры, которая не обманетъ?»¹⁾

Если съ одной стороны усложняется проблема «культуры вообще», съ другой—для имѣющихъ очи стали ясны признаки и начала другой, иной культуры, которая столь чужда нашему интеллигентному русскому обществу. Начала той культуры, «последнее слово» которой заставило весь міръ закричать отъ ужаса и омерзѣнія, стали видѣться на нашей родинѣ съ Петра I. Въ до-петровской Руси дѣйствовали начала иной культуры, близость, родство и жизненность которой подъ наплывомъ чуждой культуры постепенно ослабили на верхахъ русскаго общества, но народъ не принялъ началъ иноземной культуры, и, будучи лишены въ своей культурѣ опытнаго водительства болѣе развитой своей части, «общества», остановился въ своемъ развитіи. Отсюда наше постоянное отставаніе отъ Запада. Весь XVIII вѣкъ прошелъ подъ знаменемъ явно пренебрежительнаго отношенія русскаго (по происхожденію) общества къ «подлому», по тогдашнему выраженію, народу. Начало XIX вѣка ознаменовалось нашествіемъ на Русь «двунадесяти языкъ». Общая борьба, общая опасность напомнили русскому обществу объ его родствѣ съ русскимъ народомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ и въ самомъ русскомъ обществѣ начали пробиваться ростки самостоятельной мысли; эти ростки послѣ столь продолжительнаго періода безсознательнаго заимствованія и преклоненія предъ иноземной культурой большинству оказались просто непонятными, глубоко чуждыми. Но разъ осознанная самостоятельность, единожды почувствованное самостоятельное начало не могло исчезнуть и мы видимъ, что съ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка вопросъ о сущности культуры, объ ея истинныхъ началахъ ставится во всей остротѣ. Сторонниковъ самобытной русской культуры принято, по традиціи, называть славянофилами, но славянофильство историческое, славянофильство 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка было, конечно, въ своихъ деталяхъ иное, чѣмъ современные сторонники русской самобытной культуры. Съ тѣхъ поръ русское общество пережило Ф. М. Достоевскаго, Вл. Соловьева, которые во многомъ измѣнили постановку вопроса о русской самостоятельной культурѣ. Если первые славянофилы—Хомяковъ,

¹⁾ Т. А. Василевскій: «Виноваты ли нѣмецкая культура?» П.-градъ, 1915 г., стр. 22.

Аксаковы, Кирѣевскіе, Самаринъ—пользовались для своихъ построеній идеями западныхъ мыслителей (Шеллинга), то духовные ихъ преемники—Достоевскій и Вл. Соловьевъ—поставили вопросъ болѣе широко и углубили его до той почвы, въ которой гнѣздятся корни души русскаго народа. Почва эта—религіозная вѣра въ Христа Спасителя, въ Сына Божія. Въ сознаніи русскаго общества существуетъ два понятія о культурѣ, о ея основахъ, и оба эти понятія противоположны другъ другу. Прежде чѣмъ опредѣлить отношеніе старообрядчества къ культурѣ вообще, необходимо выяснитъ сколько-нибудь оба типа культуры, о которой идетъ споръ въ русскомъ обществѣ, и котораго, замѣтимъ, въ народѣ нѣтъ, и не потому, что онъ вообще некультуренъ, а потому, что онъ культуренъ, но не по-интеллигентски.

Чѣмъ же опредѣляется тотъ типъ культуры, о которомъ въ обществѣ ратовали славянофилы, а въ народѣ сочувствуютъ всѣ?

Н. Я. Данилевскій опредѣляетъ его, какъ религіозный:

«...религіозная сторона культурной дѣятельности составляетъ принадлежность славянскаго культурнаго типа и Россіи въ особенности,—есть неотъемлимое его достояніе, какъ по психологическому строю составляющихъ его народовъ, такъ и потому, что имъ досталось храненіе религіозной истины»²⁾.

Ө. М. Достоевскій, горячо привѣтствовавшій книгу Данилевскаго, углубляетъ и расширяетъ опредѣленіе русской культуры, ея назначенія:

«...Я все еще не увѣренъ, что Данилевскій укажетъ въ полной силѣ окончательную сущность русскаго призванія, которое состоитъ въ разоблаченіи передъ міромъ русскаго Христа, міру невѣдомаго, и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи. По-моему, въ этомъ вся сущность нашего могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучаго будущаго бытія». (Письмо Ө. М. Достоевскаго Н. Н. Страхову отъ 26/II, 1869 г.)³⁾.

Православіе (конечно, въ подлинномъ смыслѣ этого слова)—вотъ, по мысли Ө. М. Достоевскаго, вмѣстилище всего благого русскаго народа, вотъ его сердце, его разумъ, его жизнь. Православіе—тотъ жизненный центръ народа русскаго, который все опредѣляетъ, направляетъ и оцѣниваетъ въ дѣятельности послѣдняго. Религіозная вѣра, устремленность къ иной, неземной жизни, вотъ что дорого и близко русскому народу.

«Русскій народъ весь въ православіи и въ идеѣ его. Болѣе въ немъ и у него ничего нѣтъ,—да и не надо, потому что православіе все. Православіе есть Церковь, а Церковь—увѣнчаніе зданія и уже навѣки. Вы думаете, я теперь разъяснятъ стану: нимало, нисколько. Это все потомъ и неустанно. А покажѣсть лишь ставлю формулу, да къ ней прибавлю и другую! Кто не понимаетъ православія, тотъ никогда и ничего не пойметъ въ народѣ. Мало того; тотъ не можетъ и любить русскаго народа, а будетъ любить его лишь такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть. Обратно, и народъ не приметъ такого человѣка, какъ своего: если ты не любишь того, что я люблю, не вѣруешь въ то, во что я вѣрую, и не чтить святыни моей, то не чту и я тебя за своего. О, онъ не оскорбитъ его, не съѣстъ, не прибьетъ, не ограбитъ, и даже слова ему не скажетъ. Онъ широкъ, выносливъ и въ вѣрованіяхъ терпимъ. Народъ такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть, выслушаетъ, если тотъ уменъ и толковъ, поблагодаритъ за совѣтъ даже, за науку, мало того, совѣтомъ воспользуется (ибо широкъ

русскій народъ и отвлекать все умѣетъ). Но своимъ не сочтетъ, руки не подастъ, сердца своего не отдастъ ему. А наша интеллигенція изъ чухонскихъ болотъ прошла мимо. Сердится, когда говорятъ ей, что не знаетъ народа»⁴⁾.

Ранніе славянофилы также ставили православіе, какъ основу русской культуры. «Безъ православія,—говоритъ А. И. Кошелевъ,—наша народность дрянъ. Съ православіемъ наша народность имѣетъ міровое значеніе».

Великій русскій писатель—Н. В. Гоголь былъ прославляемъ и понимаемъ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ только до тѣхъ поръ, пока писалъ свои обличительныя сатиры на наши внѣшніе порядки, но тому же обществу были совершенно чужды тѣ идеи, тѣ чувства, которыя вдохновляли Н. В. Гоголя при написаніи имъ геніальныхъ произведеній, и когда Н. В. Гоголь вмѣсто разрушенія пожелалъ дать нѣчто положительное, а это положительное было въ его умѣ и душѣ неразрывно связано съ религіей, съ вѣрой въ живого Бога, отъ Н. В. Гоголя всѣ отвернулись и въ одинъ голосъ признали его: одни—подлецомъ, другіе—больнымъ, ненормальнымъ человѣкомъ. Русское общество (до настоящаго времени) не можетъ понять книги Н. В. Гоголя—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», въ которой нашъ великій художникъ вылилъ свое святое святыхъ, вылилъ то, чѣмъ внутренне жилъ всю жизнь, чѣмъ внутренне питался его художественный талантъ.

«Всѣ свои дѣла,—пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Н. В. Гоголь,—въ сторону и займись печатаніемъ этой книги подъ заглавіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ, что, покажѣсть, могу сказать; все прочее объяснить тебѣ сама книга...

...Эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга». (Письмо Н. В. Гоголя П. А. Плетневу отъ 30 іюня, 1846 г.)⁵⁾.

Предпосылка автора «Ревизора», «Мертвыхъ душъ» (1-го тома) и русскаго интеллигентнаго общества совпала: люди—мелки, грязны, нечестны, смѣшны въ своей незамѣчаемой ими пошлости; совпалъ и выводъ—ихъ слѣдуетъ исправить. Но какъ? И вотъ здѣсь-то Н. В. Гоголь и русское общество (по крайней мѣрѣ его большинство) непримиримо разошлись. По мнѣнію интеллигенціи, нужны общественно-политическія реформы, по мнѣнію Н. В. Гоголя—необходимо стремиться къ душевному возрожденію каждаго отдѣльнаго человѣка, къ его личному, внутреннему освященію:

«Многіе видя,—говоритъ Н. В. Гоголь,—что общество идетъ дурной дорогой, что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованіями и реформами, обращеніемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ. Другіе думаютъ, что посредствомъ какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подѣйствовать на воспитаніе общества. Мечты! Кромѣ того, что прочитанная книга лежитъ безъ примѣненія... плоды, если происходятъ, то вовсе не тѣ, о которыхъ думаетъ авторъ, а чаще такіе, отъ которыхъ онъ съ испугомъ отскакиваетъ самъ... Общество образуется само собою, складывается изъ единицъ. Надо бы, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Пускай вспомнитъ человѣкъ, что онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда каждый сколько-нибудь не будетъ жить жизнью

²⁾ Данилевскій. «Россія и Европа», стр. 513.

³⁾ «Ө. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ. письмахъ и замѣткахъ». состав. Ч. Витринскій. М. 1912 г., стр. 263.

⁴⁾ Изъ записной книжки Ө. М. Достоевскаго. «Ө. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ... и т. д.», стр. 324.

⁵⁾ В. В. Калаши: «Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ». М. 1909 г., стр. 228.

небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство»⁶⁾.

Нужна была неподкупная искренность души, и большая внутренняя смѣлость, чтобы говорить о необходимости «жить жизнью небеснаго гражданства» тому обществу, которое всѣ свои помыслы и чаянія сосредоточило на гражданствѣ земномъ и на томъ, какъ бы покомфортабельнѣе устроиться въ земномъ гражданствѣ.

Обычно принято въ разныхъ исторіяхъ русской литературы дѣлить творчество Н. В. Гоголя на двѣ части—первая, когда, по представленію русской интеллигенціи, Н. В. Гоголь «честно исполняетъ свой гражданскій долгъ», заслуживъ тѣмъ славу великаго писателя, и вторая—когда Гоголь, будто бы, поддавъ вліянію «изувѣровъ и фанатиковъ», свихнулся съ истиннаго пути и началъ писать вмѣсто «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»—«Размышленія о божественной литургіи», «Развязка Ревизора» и «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», гдѣ особенно сильно звучитъ религіозный мотивъ, подлинная, живая вѣра въ Ісуса Христа, Спасителя. Гоголь второй части, въ глазахъ русскаго общества въ лучшемъ случаѣ заслуживаетъ лишь сожалѣнія. Такой разрывъ личности Н. В. Гоголя является безусловно искусственнымъ и насильнымъ. Религіозные мотивы звучатъ въ то время, когда Гоголь, по его словамъ, «не сдѣлался писателемъ»:

«И вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянія, оторвавши меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему, *прежде чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту*: къ наблюденію внутреннему надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой. О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это назначеніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ-то пути поневолѣ встрѣтишься ближе съ Тѣмъ, Который одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой; божественность Котораго если бы даже и отвергнувъ міръ, то ужъ этого послѣдняго свойства никакъ не въ силахъ отвергнуть, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сдѣлается ужъ не *слѣдъ*, а просто *глубь*. Этимъ крутымъ поворотомъ, происшедшимъ не отъ моей воли, наведенъ я былъ заглянуть глубже въ душу вообще и узнать, что существуютъ ея высшія степени и явленія!» (Письмо Н. В. Гоголя В. А. Жуковскому 22 декабря 1847 г.⁷⁾.

Въ то время, какъ русское общество рукоплескало Гоголю-обличителю, Гоголю-«либералу», тотъ же Гоголь писалъ къ одному изъ своихъ близкихъ друзей:

«Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненные истины и ужащающаго величія, мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! *Васъ никто не знаетъ*, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою, и не посмѣете устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч., и проч. Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего». (Письмо Н. В. Гоголя М. П. Погодину отъ 6 декабря 1835 г.⁸⁾.

Строки эти относятся къ 1835 году, т.-е. къ первой части, признанной обществомъ писательской дѣятельности Гоголя. Послѣднему ставится въ основаніе упрекъ та вина, что онъ, Гоголь, поддавъ подъ нездоровое вліяніе о. Матвѣя и ему подобныхъ, загубилъ свой талантъ, насильнически на-

правивъ его въ чуждую, несвойственную область. Всѣ попытки Н. В. Гоголя оправдаться, заявивъ, что само общество дѣлаетъ насиліе надъ его творчествомъ, признаются почти единогласно попытками съ негодными средствами.

«Что жъ дѣлать,—пишетъ Н. В. Гоголь,—если душа стала предметомъ моего искусства? Виноватъ ли я въ томъ? Что жъ дѣлать, если заставленъ я многими особенными событиями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто жъ тутъ виноватъ? Виноватъ Тотъ, безъ воли Котораго не совершается ни одно событіе». (Письмо Н. В. Гоголя С. П. Шевыреву отъ 27-го апрѣля 1847 г. по поводу книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»⁹⁾.

Н. В. Гоголь оставилъ послѣ себя «духовное завѣщаніе», въ которомъ, между прочимъ, находимъ слѣдующіе совѣты:

«Общество тогда только поправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою, и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законныя всему. И человѣчество двинется впередъ...

Будьте не мертвыя, а живыя души. Нѣтъ другой двери, кромѣ указанной Ісусомъ Христомъ, и всякъ прелазай иначе есть тать и разбойникъ». (Духовное завѣщаніе Н. В. Гоголя—Друзьямъ моимъ¹⁰⁾).

Кто же оказался тѣми друзьями, къ которымъ обращался Н. В. Гоголь въ своемъ духовномъ завѣщаніи? Русская интеллигенція читаетъ «завѣщаніе» съ иронической улыбкой и смотритъ на Гоголя чрезъ очки, надѣтыя ей еще Бѣлинскимъ. Чтобы показать, кто ближе стоитъ къ сокровеннымъ идеямъ Н. В. Гоголя, которыя онъ вынашивалъ въ своемъ сердцѣ, которыми онъ мучился всю свою жизнь, приведемъ выдержку изъ статьи К. Е. Голубова—старобрядца-поморца, издателя и редактора старообрядческаго журнала «Истина». Журналъ этотъ выходилъ въ Іоганнесбургѣ (Восточная Пруссія) въ 1866—1868 гг. (Подробнѣе объ этомъ журналѣ скажемъ далѣе).

«Истинное благо,—писалъ К. Е. Голубовъ,—заключено въ нашей совѣсти: Царство Божіе внутри насъ есть. Человѣкъ не безсловесное животное, — его невозможно оградить юридическими внѣшними законами на пажитяхъ блага: онъ только и ограничивается самосознаніемъ истинной благой нравственности въ самомъ себѣ. Безъ сознанія о присутіи столь близкомъ намъ (внутри насъ) истиннаго блага, мы нигдѣ въ окрестности насъ не сыщемъ его, но только ложныя блага. Царь ли намъ кажется золъ, правленіе ли слишкомъ жестокое, богатое ли тиранами, темницъ ли слишкомъ много, судей ли, писарей и блюстителей, воинства ли и крѣпостей слишкомъ много,—на все это всякій человѣкъ найдетъ причину въ самомъ себѣ, въ своей злонравственности. Пусть провѣритъ себя, говоритъ ли ему совѣсть его, что онъ, бывши на мѣстахъ вышеупомянутыхъ, поступалъ бы иначе. Нѣтъ, иначе поступать онъ сочтетъ глупостью, самопредательствомъ, ослиною добродѣтелью. Ну, такъ изъ чего же берутся и хлопотать понапрасну, метаясь по ложнымъ благамъ! Изъ неудобнаго матеріала можно ли составить что-либо хорошее, не исправивъ матеріалъ? Совершенно невозможно. Исправлять, значить, надобно вообще самихъ себя и въ своемъ исправленіи искать всеобщее исправленіе. Надо перестать упиваться, и тогда искать трезвости... «Всякое ложное благо носить въ себѣ самомъ зародышъ саморазрушенія. Блаженствовали неправедно помѣщики-крѣпостники

⁶⁾ Цитировано по книгѣ М. О. Гершензона «Историческія записки», стр. 120.

⁷⁾ «Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ...», стр. 250.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 169.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 242.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 254.

и саморазрушились; блаженствуют несправедно нѣкоторые богачи-собственники—и саморазрушатся. Ищетъ блаженства народъ въ свободѣ и равноправности; но дальше именования отраднago не прострется блаженство съ горемъ пополамъ: своею безнравственною борзостію подчиняется народъ зло-страданію. Не то есть истинное благо, которое достигается путемъ возстанія и отыатія: это скорѣе будетъ безчиніе развратной совѣсти; но то-есть истинное прочное благо, которое достигается дальновиднымъ самоотбненіемъ...

«Нѣтъ на западѣ примирителей вѣры съ жизнью, но жизнь и вѣра расходятся въ разладъ, и есть люди, радующіеся тому, что духъ жизни отстраненъ и забытъ народомъ, и, къ сожалѣнію, люди значительные. Трудно высокороднымъ внимать сказанію худородныхъ и нищихъ»¹¹⁾.

Если хочешь передѣлать міръ, передѣлай, прежде всего, самого себя, очисти отъ скверны грѣха,—говорилъ Н. В. Гоголь и К. Е. Голубовъ, но оба они были и есть со своими идеями глубоко чужды русскому интеллигентному обществу. Но какъ они близки между собой!

Гоголь не устранился суда людскаго и твердо указалъ путь русской культуры; въ этомъ его великая, неумирающая заслуга предъ русскимъ народомъ. Послѣдній пойметъ его книгу, которую самъ Н. В. Гоголь считалъ главной, центральной въ своей творческой дѣятельности. По выходѣ изъ печати книги Н. В. Гоголя, Бѣлинскій написалъ свое извѣстное письмо Гоголю, въ которомъ вылился духъ и паосъ нашихъ «западниковъ». И съ тѣхъ поръ около книги Н. В. Гоголя идетъ неоконченный до настоящаго времени споръ, и въ наши дни книгу Н. В. Гоголя также не понимаютъ, какъ не понималъ ее и Бѣлинскій.

И. Кирилловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По святымъ мѣстамъ Востока.

(См. № 24 журн. «Слово Церкви»).

Къ Тиверіадскому морю.

Путь отъ Назарета до Тиверіады, за немногими исключеніями, можно отнести къ самымъ удобнымъ. Ровная шоссе-ная дорога, отсутствіе болѣе или менѣе высокихъ горъ, рытвинъ и овраговъ—позволяютъ дѣлать быстрое передвиженіе, и лошади почти все время бѣгутъ ходко и весело. Мимо насъ мелькаютъ засѣянные поля, масляные сады, деревушки, встрѣчные арабы, бедуины, туристы-путешественники. Часа черезъ два достигаемъ мѣстечка Кефръ-Кенна, въ которомъ преданіе узнаетъ ту самую Кану-Галилейскую, гдѣ нѣкогда Христосъ Спаситель на брачномъ пиршествѣ чудесно претворилъ воду въ вино. Село выглядит обычно сѣро, непривѣтливо. По улицамъ снуютъ толпы арабскихъ дѣтшекъ, которые назойливо просятъ «бакшишъ», «паричка» и долго гонятся въ слѣдъ. Большинство изъ нихъ христіане, и многіе ученики русскихъ школъ; они, видя въ насъ русскихъ путешественниковъ, старались показать свое искусство знанія русскаго языка: читали молитвы, пѣли стихиры, тропари. Бѣгло осмотрѣвъ находящіеся здѣсь два храма: католическій и греческій, мы встрѣтили здѣсь кое-что заслуживающее вниманія. Въ томъ и другомъ есть не мало древностей и особенно интересны въ греческомъ храмѣ два каменные водоноса, въ которыхъ преданіе видитъ именно

тѣ самые водоносы, въ которыхъ произошло чудесное превращеніе воды въ вино, и совершонъ, такимъ образомъ, «начатокъ знаменій, яже сотвори Ісусъ». Водоносы стоятъ въ первой части храма, въ углахъ противоположныхъ стѣнъ; надъ ними висятъ новыя «россійскаго» письма художественныя иконы: надъ однимъ—«Преображеніе Господне», а надъ другимъ—«Чудо въ Канѣ Галилейской». Игуменъ маленькаго греческаго скитка, находящагося здѣсь, іеромонахъ Аркадіосъ, сообщилъ намъ, что въ одаомъ изъ водоносовъ они крестятъ младенцевъ, въ другомъ же, въ дни большихъ праздниковъ, освящаютъ воду.

Давъ передохнуть лошадямъ и подкрѣпившись чашкою кофе, у привѣтливаго игумена, мы отправились далѣе, по направленію къ Тиверіадскому морю, которое лежитъ въ 4—5 часахъ ѣзды отъ Каны-Галилейской. Дорога тянется среди однообразныхъ полей, то засѣянныхъ хлѣбами, то пестрящихся сорными травами и бѣлоголовыми своеобразными цвѣтами, среди которыхъ виднѣются многочисленные камни—неотъемлемое достояніе палестинскихъ полей. Налѣво отъ дороги завиднѣлось въ дали плоское возвышеніе, которое, по мѣрѣ нашего приближенія, принимало болѣе ясныя очертанія; то была гора «Корнъ-Гаттинъ» (по-арабски), т.-е. «Гора Блаженствъ»¹⁾, — мѣсто, гдѣ Христосъ

Спаситель преподавалъ ученикамъ свое небесное ученіе о «блаженствахъ». Предъ нашимъ умственнымъ взоромъ всталъ дивный обликъ Божественнаго Учителя, стоящаго на горѣ и поучающаго народъ вѣчнымъ истинамъ. И все «многое множество людей отъ всея Іудеи, Іерусалима и поморія Тирска и Сидонска», съ восхищеніемъ внимали «глаголамъ жизни вѣчныя». Исполненные возвышеннаго чувства отъ сознанія всего видимаго, мы, взирая на св. гору глазами полными слезъ, пропѣли всѣ «блаженныя», которыя доселѣ воспѣваетъ св. Церковь, въ воспоминаніе одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ дѣлѣ проповѣданія Богочеловѣка. Миновавъ «Гору Блаженствъ», мы сошли съ «каруцы»²⁾ и пѣшими направились къ другому, не менѣе важному мѣсту, отмѣченному присутствіемъ Христа и Его чудотвореніемъ—«къ мѣсту насыщенія пятью хлѣбами 5,000 человекъ», находящемуся тутъ же, неподалеку. Обширная равнина, поросшая травой, среди которой торчатъ въ хаотичномъ безпорядкѣ разбросанные камни, отмѣчается преданіемъ, какъ мѣсто великаго чуда, которое совершилъ Спаситель предъ многочисленнымъ народомъ. На камняхъ, мѣстами, виднѣются начертанные кресты—это благочестивая рука паломника отмѣтила историческое мѣсто, сохраняя его въ памяти живого преданія. Караваны паломниковъ, проходя этимъ мѣстомъ, останавливаются здѣсь, вынимаютъ изъ своихъ сумочекъ хлѣбъ, кладутъ его на камни и, воздавъ хвалу Богу, вкушаютъ его, а нѣкоторые уносятъ даже съ собою, какъ воспоминаніе о посѣщеніи св. мѣста. Мы тоже послѣдовали этому вѣковому обычаю: положили имѣвшійся съ нами хлѣбъ на камни и владыка Мелетій, устремивъ взоръ въ голубую высь неба, произнесъ молитву, установленную церковію въ воспоминаніе сего событія...

Дорога пошла подъ гору и, полчаса спустя, предъ нами блеснула голубая равнина Тиверіадскаго моря, или иначе

¹¹⁾ Старообрядческій журналъ «Истина», № 1 за 1867 г. Статья К. Е. Голубова: «Истинное благо».

¹⁾ Смотря на широкую, плоскую вершину «Горы Блаженствъ», вполне соглашаешься съ повѣствованіемъ евангелистовъ, какъ бы разнорѣчиво описывающихъ мѣстность, гдѣ преподавалось св. ученіе о блаженствахъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Стѣ Ісусъ на мѣстѣ равне»; другой же, говоря о томъ же событіи, повѣствуетъ: «Взыде Ісусъ на гору, и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы». Это кажущееся противорѣчіе устраняется при видѣ «Горы Блаженствъ», которая представляетъ собою и равнину, и вмѣстѣ возвышенность.

²⁾ Каруца—экипажъ.

церковнаго пѣнія дѣтямъ господствующаго исповѣданія; но на нужды ихъ собственныхъ дѣтей тѣ, которые отъ нихъ деньги получаютъ, не желаютъ расходовать ни копейки: Богородское земство отказывается даже платить вознагражденіе старообрядческимъ законоучителямъ. Такимъ образомъ выходитъ, что на деньги старообрядцевъ содержатся школы, въ которыхъ ихъ дѣти должны постепенно забыть все старообрядческое. А. И. Морозовъ проситъ съѣздъ «войти, куда слѣдуетъ, съ ходатайствомъ о постройкѣ въ Богородскомъ уѣздѣ за счетъ казны старообрядческихъ школъ».

Епископъ Геронтій обращаетъ вниманіе съѣзда на безправное положеніе старообрядческихъ законоучителей. Помимо того, что имъ никто ничего не платитъ за ихъ трудъ, ихъ еще стѣсняетъ учебное начальство, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не допускаетъ ихъ къ преподаванію.

Священникъ о. Іоиль Ульяновъ: Не повсемѣстно старообрядческихъ законоучителей стѣсняютъ. Нѣкоторыя земства, напримѣръ, жиздринское, Калужской губ., платитъ вознагражденіе старообрядческимъ законоучителямъ. О. Іоиль рассказалъ, какихъ трудовъ стоило ему найти старообрядческаго учителя для земской школы.

Д. В. Сироткинъ. Наши священники и законоучители могли бы подготовиться къ преподавательской дѣятельности на мѣстахъ. Это не такъ трудно. Теперь въ каждомъ уѣздѣ можно найти опытнаго педагога.

А. А. Селезневъ. Готовиться къ преподаванію Закона Божія у постороннихъ лицъ наши священники не согласятся. Они, и не имѣя ценза, прекрасно преподають Законъ Божій, гораздо лучше цензовиковъ. Нужно ходатайствовать, чтобы отъ нашихъ законоучителей не требовали образовательнаго ценза.

Свящ. о. Харитонъ Глинкинъ. Въ виду того, что въ 1916 г. истекаетъ срокъ даннаго разрѣшенія на допущеніе старообрядческихъ законоучителей безъ ценза, слѣдуетъ просить отмѣнить навсегда требованіе отъ нашихъ законоучителей ценза. Лично я получилъ Высочайшее разрѣшеніе быть преподавателемъ безъ ценза.

Ө. А. Московцевъ предлагаетъ устраивать при старообрядческомъ институтѣ курсы для законоучителей. Лица, прослушавшія эти курсы, могли бы быть законоучителями безъ установленнаго ценза.

И. А. Старовѣровъ высказываетъ горячее пожеланіе, чтобы и въ старообрядческихъ училищахъ и въ общихъ школахъ, гдѣ учатся дѣти старообрядцевъ, неизмѣнно проводилось христіанское воспитаніе.

Епископъ Геннадій. Учить дѣтей непременно нужно. Это—нашъ долгъ. Нужно заботиться и о школахъ. Я наблюдалъ за школьными воспитанниками, они разбираются въ грѣхѣ, знаютъ, что позволительно творить и что не позволительно. Въ древности были и высшія школы, изъ которыхъ вышли великіе отцы Церкви. И намъ нужны высшія школы. Но необходимо заботиться, чтобы въ нихъ господствовалъ духъ благочестія и христіанской вѣры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старообрядчество и русская культура.

(См. № 32 журн. «Слово Церкви»).

«...Ее (книгу Н. В. Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями») плохо понимаютъ потому, что нѣтъ побужденія ее понять; въ ея основѣ лежитъ міровоззрѣніе, до такой степени противоположное господствующему, что

всякая возможность правильнаго пониманія по существу исключена¹²⁾».

Благодаря основному, полному различію въ міровоззрѣніи русское общество не могло понять и принять главную мысль Ө. М. Достоевскаго.

Русское интеллигентное общество рукоплескало Ө. М. Достоевскому за его рѣчь на пушкинскихъ торжествахъ, но когда эта же рѣчь появилась напечатанной въ «Дневникѣ Писателя», — она не произвела уже прежняго впечатлѣнія, къ ней отнеслись холодно. Русская интеллигенція воспринимала творчество Ө. М. Достоевскаго чисто эстетически, но то, что вдохновляло, что было живой сердцевиною жизни Достоевскаго, — русской интеллигенціи и было и есть глубоко чуждо.

«Послѣ кликовъ, рукоплесканій и вѣнковъ, которыми удостоивали его на публичныхъ чтеніяхъ, опять онъ говорилъ: «да, да, все это хорошо, да все-таки *главнаго не понимаютъ*»¹³⁾».

Въ чемъ же Ө. М. Достоевскій видѣлъ *главное*?

Одинъ изъ старыхъ пріятелей Ө. М. Достоевскаго замѣтилъ ему:

— Какое, однако, несправедливое дѣло была ваша ссылка.

— Нѣтъ, — коротко, какъ всегда, обрѣзываетъ Достоевскій, — нѣтъ, справедливое. Насъ бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, на каторгѣ. И почему вы знаете, можетъ быть тамъ, наверху, т.-е. Самому Высшему, нужно было меня привести на каторгу, чтобы я тамъ что-нибудь узналъ, т.-е. *узналъ самое главное, безъ чего нельзя жить*, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ и чтобы это самое главное я вынесъ оттуда, потому что оно пока скрывается *только въ народѣ*, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобы я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобы другіе (хоть не все, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку—хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого довольно. И этого уже много. И изъ-за этого можно пойти на каторгу» (Изъ воспоминаній А. Н. Майкова о Ө. М. Достоевскомъ)¹⁴⁾.

Приведенные примѣры непониманія русской интеллигенціей двухъ высшихъ творцовъ-художниковъ и духовныхъ вождей русскаго общества — Н. В. Гоголя и Ө. М. Достоевскаго — проливаютъ свѣтъ на лабиринтъ недоразумѣній, противорѣчій, въ которыхъ уже много лѣтъ блуждаетъ и ищетъ выхода вопросъ о соотношеніи старообрядчества и культуры. Если понятіе культуры понималось и понимается различно, то и понятіе старообрядчества не отличается большой опредѣленностью.

Не забудемъ, что литература о старообрядчествѣ создавалась съ начала (въ XVII и XVIII вв.) его противниками (школа «обличительная»), а въ XIX в.—тѣми же русскими интеллигентами (школа Шапова—соціально-политическая), которые не могли понять Гоголя и Достоевскаго въ ихъ главныхъ, основнхъ пунктахъ. Вполнѣ естественно, что и «обличители» и «разъяснители» старообрядчества его одинаково не понимали, а если не понимали, то и предавали интеллигентской анаѣмѣ—приклеивали ярлыкъ невѣжества, дикости, фанатизма, и т. п. Въ этомъ отношеніи старообрядчество по отношенію къ русской интеллигенціи раздѣлило участь Гоголя и Достоевскаго: оно не было понято, было отвергнуто то *положительное*, что оно несло съ собой, и если возбуждало въ русской интеллигенціи и интересъ, что исключительно своимъ *внѣшнимъ* положеніемъ въ госу-

¹²⁾ М. О. Гершензонъ: «Историческія записки». Стр. 126.

¹³⁾ «Ө. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ, современниковъ, письмахъ и замѣткахъ». Стр. 161.

¹⁴⁾ Тамъ же.

дарствѣ; это, повторяемъ, чисто внѣшнее положеніе придавало старообрядчеству видъ оппозиціи.

Любопытно и знаменательно отмѣтить тотъ фактъ, что въ оцѣнкѣ старообрядчества въ его отношеніи къ культурѣ трогательно объединились и представители официальной іерархіи и типичный русскій интеллигентъ:

Миссіонеръ Ключковъ, членъ Государственной Думы, при обсужденіи старообрядческаго законопроекта, съ трибуны заявилъ:

«Затѣмъ, я долженъ обратить ваше вниманіе еще на то, что старообрядчество представляетъ собой силу въ высшей степени некультурную... И вы, хотите, гг., всей этой тѣмѣ сказать: иди, распространяйся»¹⁵⁾.

Совершенно тождественную мысль о культурномъ значеніи старообрядчества высказалъ Д. Философовъ на страницахъ «Русской Мысли»:

«...учрежденіе богословскаго института несовмѣстимо со старообрядчествомъ... Немножко подучившись логикѣ, психологіи и исторіи, они поймутъ, что возводить обрядъ въ догматъ, смотрѣть на него, какъ на магію, просто невозможно при извѣстномъ уровнѣ сознанія. Но тогда что же останется специфически старообрядческаго въ самомъ старообрядчествѣ?» Нѣсколькими строками ниже Д. Философовъ указываетъ старообрядчеству «путь спасенія»: «Можетъ быть, только въ послѣдовательномъ отрицаніи самой старообрядческой психологіи все спасеніе старообрядчества»¹⁶⁾.

Такое же невѣжество по отношенію къ старообрядчеству проявляютъ и представители интеллигенціи бюрократической: «Долгомъ поставлю сообщить вашему высокопревосходительству,—пишетъ Н. И. Субботинъ,—краткій отчетъ о моемъ свиданіи съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ¹⁷⁾, у котораго нынѣ утромъ былъ я по его приглашенію. Принять я былъ весьма благосклонно и могъ говорить вполне свободно,—бесѣда наша продолжалась болѣе получаса. Къ сожалѣнію, я скоро же замѣтилъ, что мой высокій собесѣдникъ совершенно незнакомъ съ расколомъ, даже съ его исторіей, и это значительно затрудняло бесѣду,—приходилось давать азбучныя свѣдѣнія» (Письмо Н. И. Субботина К. П. Побѣдоносцеву отъ 16 апрѣля 1903 года)¹⁸⁾.

То же самое приходится повторить и объ интеллигенціи съ наперсными крестами и въ митрахъ:

«Недоумѣнія внушаютъ не свѣдѣнія, сообщаемыя въ запискѣ,—пишетъ тотъ же Н. И. Субботинъ,—о достовѣрности которыхъ однако же трудно сказать что-нибудь рѣшительное, а разсужденія и замѣчанія о расколѣ и объ отношеніяхъ къ нему приходскаго духовенства, которыя признали нужнымъ изложить въ своемъ донесеніи оо. благочинные и самъ преосвященный¹⁹⁾. Не говорю уже о безграмотности этихъ замѣчаній (которую, къ удивленію, преосвященный оставилъ въ неприкосновенности), свидѣтельствующей о весьма низкомъ уровнѣ образованія оо. благочинныхъ,—какое непониманіе дѣла, о которомъ пишутъ! Всего при-
скажбнѣ, что то же приходится сказать о самомъ преосвященномъ. Онъ смотритъ на дѣло глазами своихъ благочин-

ныхъ и не примѣчаетъ, что многое въ запискѣ свидѣтельствуемъ противъ него самого» (Письмо Н. И. Субботина К. П. Побѣдоносцеву отъ 15 марта 1882 г.)²⁰⁾. И это не исключительный случай: въ другомъ письмѣ Н. И. Субботинъ даетъ такую же оцѣнку донесенію изъ другой епархіи—Ярославской:

«Удивило меня въ ярославскомъ донесеніи явное непониманіе дѣла. Въ исчисленіи раскольниковъ по сектамъ здѣсь упоминаются: безпоповцы, перекрещеваны (?) федосѣевцы, филипповцы, нѣтовцы, поморяне. Да развѣ всѣ эти послѣдніе не безпоповцы?» (Письмо Н. И. Субботина К. П. Побѣдоносцеву отъ 4 апрѣля 1882 г.)²¹⁾.

Замѣтимъ къ слову, что и корреспондентъ Н. И. Субботина—прокуроръ синода К. П. Побѣдоносцевъ, какъ видимъ изъ писемъ перваго, неизмѣнно, въ теченіе ряда лѣтъ, посылалъ документы, относившіеся къ старообрядчеству Н. И. Субботину, и послѣдній возвращалъ ихъ К. П. Побѣдоносцеву при «всепокорнѣйшемъ письмѣ» съ «легонькими» карандашными помѣтками, которыя легко можно уничтожить. Этими помѣтками и пользовался К. П. Побѣдоносцевъ. Самъ же Н. И. Субботинъ былъ знатокомъ исторіи старообрядчества, но духа его, душу, которая живетъ въ немъ, мало понималъ, и въ этомъ отношеніи для него былъ незамѣнимъ извѣстный о. Павелъ Пруссій, бывший настоятель безпоповскаго старообрядческаго скита въ Восточной Пруссіи (приходъ Войнова, около Іоганнесбурга), а потомъ единовѣрскаго Никольскаго монастыря. Вотъ около кого вдохновлялся Н. И. Субботинъ на свои «подвиги» борьбы со старообрядчествомъ. Не только единоличныя лица высшей іерархіи господствующаго вѣроисповѣданія, но и цѣлыя корпораціи послѣднихъ, какъ, на примѣръ, редакціи епархіальныхъ вѣдомостей, отличались полнымъ незнаніемъ старообрядчества и на страницахъ своихъ изданій, направленныхъ противъ старообрядчества, печатали взгляды самихъ старообрядцевъ, даже не замѣчая этого:

«Горько было прочесть,—пишетъ Н. И. Субботинъ,—въ присланномъ вами № «Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» «таблицу главныхъ расколическихъ сектъ», гдѣ первую изъ таковыхъ поставлено единовѣріе, и основателемъ секты показанъ преосвященный Никифоръ, а объ австрійской сектѣ и основателѣ ея нѣтъ и упоминанія. И это печатается для духовенства, «затрудняющагося различеніемъ сектантовъ» (Письмо Н. И. Субботина 25 апрѣля 1894 г. К. П. Побѣдоносцеву)²²⁾.

Вполнѣ логично вывести то заключеніе, что у представителей официальной іерархіи и у русской интеллигенціи атрофировалась, отмерла (или, дай Господи!—только замерла) та внутренняя чуткость, тотъ органъ религіознаго воспріятія, которымъ бы можно было понять и Гоголя, и Достоевскаго и старообрядчество. Тотъ же Достоевскій, который не занимался специальнымъ изученіемъ старообрядчества, прекрасно его не зналъ, а понималъ, понималъ то, что недоступно пониманію Ключковыхъ и Философовыхъ. О. М. Достоевскій заносилъ въ свою «Записную книжку» тѣ мысли, идеи, которыя затѣмъ должны были развиваться въ «Дневникѣ писателя». «Записная книжка» Достоевскаго въ высшей степени интересна, и, между прочимъ, мы находимъ тамъ слѣдующія отрывочно, но ясно набросанныя мысли великаго писателя:

«Комическій былъ переполохъ и заботы мудрецовъ нашихъ отыскать, откуда взялись нигилисты? Да они ниоткуда и не взялись, а все были съ нами («Бѣсы»). Нѣтъ, какъ можно, толкуютъ мудрецы, мы не нигилисты, а мы только на отрицаніи Россіи хотимъ спасти ее (т.-е. стать

¹⁵⁾ «Законопроектъ о старообр. общинахъ въ Гос. Думѣ». Стенограф. отчетъ. Изд. совѣта всероссійск. съѣзда старообрядцевъ. Стр. 60.

¹⁶⁾ «Русская Мысль», 1911 г., № 5. Ст. Д. Философова—«Старообрядчество и православіе». См. въ той же книжкѣ «Р. М.» статью возраженія О. Мельникова—«Самобытность старообрядчества».

¹⁷⁾ В. К. Плеве.

¹⁸⁾ В. С. Марковъ. «Къ исторіи раскола-старообрядчества второй половины XIX столѣтія. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, какъ матеріалъ для исторіи раскола и отношеній къ нему правительства (1865—1904 г.)». М. 1914. Стр. 642.

¹⁹⁾ Н. И. Субботинъ говоритъ о «Запискѣ о расколѣ», поданной К. П. Побѣдоносцеву Макаріемъ, еп. нижегородскимъ.

²⁰⁾ В. С. Марковъ. Тамъ же, стр. 258.

²¹⁾ Тамъ же, стр. 264.

²²⁾ Тамъ же, стр. 603.

въ видѣ зоны, аристократами, надъ народомъ, вознесся народъ до нашего ничтожества). Сравненіе нигилизма съ расколомъ (Уманца). *Да, расколъ много пользы принесъ»* ²³⁾.

Къ глубокому сожалѣнію, приведенныя мысли болѣе подробно не были развиты въ «Дневникъ писателя», но уже и здѣсь совершенно ясенъ ходъ мысли Ѳ. М. Достоевскаго. Нигилизмъ былъ въ дни Достоевскаго терминомъ, которымъ опредѣлялось западничество, опредѣлялось міровозрѣніе большинства русской интеллигенціи. Достоевскій всю свою дѣятельность посвятилъ борьбѣ съ этимъ направлениемъ. Вотъ что передаетъ одна изъ современницъ Достоевскаго, съ которой говорилъ великій писатель о своемъ отношеніи къ западной цивилизаціи:

«И эту-то «цивилизацию» хотятъ теперь прививать народу! Да никогда я съ этимъ не соглашусь! До конца моихъ дней воевать буду съ ними,—не уступлю... Такъ было всегда и вездѣ. И тамъ будетъ, и у насъ, если начнутъ искусственно пересаживать къ намъ Европу. И Римъ погибъ оттого, что началъ пересаживать къ себѣ Грецію... Начинается эта пересадка всегда съ рабскаго подражанія, съ роскоши, съ моды, съ разныхъ тамъ наукъ и искусствъ, а кончается содомскимъ грѣхомъ и всеобщимъ растлѣніемъ» ²⁴⁾.

Затѣмъ въ «Записную книжку» Достоевскій занесъ: «Сравненіе нигилизма съ расколомъ (Уманца)» ²⁵⁾, и сейчасъ же, въ опроверженіе этого глубоко невѣрнаго сравненія добавилъ фразу съ явнымъ оттѣнкомъ возраженія: «Да, расколъ много пользы принесъ». Въ одномъ письмѣ Достоевскій прямо указываетъ на старообрядцевъ, какъ на людей будущаго:

«А знаете ли, кто новые русскіе люди? Вотъ тотъ мужикъ, бывшій раскольникъ, при Павлѣ Прусскомъ, о которомъ напечатана статья съ выписками въ іюньскомъ номерѣ «Русскаго Вѣстника». Это не типъ грядущаго русскаго человѣка, но ужъ, конечно, одинъ изъ грядущихъ русскихъ людей...» (Письмо Ѳ. М. Достоевскаго А. Н. Майкову отъ 11-го декабря 1868 г.) ²⁶⁾.

Духовная близость Достоевскаго и старообрядчества особенно становится очевидной, если всмотрѣться въ душу Достоевскаго, въ его чаянія и мнѣнія о внѣшней культурѣ, о ея цѣнности:

«Со стыдомъ вспоминаю,—пишетъ г-жа В. В. Т—ва (Починковская) ²⁷⁾,—какъ дико показалось мнѣ, когда онъ однажды, читая корректуру своей статьи о Пруссіи, Бисмаркѣ и папѣ, заговорилъ вдругъ тономъ... тѣмъ самымъ тономъ, надъ которымъ такъ зло, но и такъ остроумно смѣялись знакомые мнѣ «либералы»...

— Они и не подозреваютъ, что скоро конецъ всему... всѣмъ ихнимъ «прогрессамъ» и болтовнѣ! Имъ и не чудится, что вѣдь антихристъ-то ужъ родился... и идетъ!—Онъ произнесъ это съ такимъ выраженіемъ и въ голосѣ, и въ лицѣ, какъ будто возвѣщалъ мнѣ страшную и великую

тайну, и затѣмъ, окинувъ меня быстрымъ взглядомъ, строго спросилъ:

— Вы мнѣ вѣрите или нѣтъ? Я васъ спрашиваю,—отвѣчайте! Вѣрите или нѣтъ?

— Я вамъ вѣрю, Ѳ. М., но я думаю, что вы увлекаетесь, и потому невольно преувеличиваете...

Онъ стукнулъ рукой по столу, такъ что я вздрогнула, и, возвысивъ голосъ, прокричалъ, какъ мулла на своемъ минаретѣ:

— Идетъ къ намъ антихристъ! Идетъ! И конецъ міру близко,—ближе, чѣмъ думаютъ!» ²⁸⁾.

Въ этомъ воспоминаніи г-жи В. В. Т—вой очень характерна фраза: «Онъ произнесъ это съ такимъ выраженіемъ и въ голосѣ и въ лицѣ, какъ будто возвѣщалъ мнѣ страшную и великую тайну». И на вопросъ Достоевскаго: вѣрить ли она въ скорое пришествіе антихриста, г-жа Т—ва отвѣтила:

— Я вамъ вѣрю, Ѳ. М....

Г-жа В. В. Т—ва, вмѣстѣ съ русской интеллигенціей, вѣрили Достоевскому, вѣрили ему, какъ признанному авторитету, но не вѣрили въ тѣ идеи, въ тѣ основы, которыя Достоевскій считалъ необходимыми для русскаго народа и за которыя онъ давалъ обѣтъ бороться до конца дней своихъ. Для интеллигенціи не существуетъ конца, она комфортабельно живетъ въ безконечномъ прогрессѣ, для нея антихриста нѣтъ, и вѣсть о немъ—сказка, бредъ, «какъ будто...»

Представимъ, что Гоголь выпустилъ свою книгу «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» въ старообрядческой средѣ, можно съ увѣренностью сказать—она была бы понята и оцѣнена лучше, полнѣе, и великій писатель не сталъ бы обвиняться въ подлости, подхалимствѣ, не былъ бы объявленъ ненормальнымъ. Если бы Достоевскій обратился съ своимъ страстнымъ монологомъ о грядущемъ антихристѣ не къ г-жѣ Т—вой, а, положимъ, къ любому старообрядцу, особенно безпоповцу,—онъ былъ бы вполне понятъ.

Итакъ, если бы русское общество прониклось идеями старообрядчества, оно не стало бы «тьмою», оно не перестало бы быть культурнымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Наоборотъ, въ такомъ обществѣ развились и окрѣпли бы такіе таланты, какъ Гоголь и Достоевскій, они не мучились бы общимъ непониманіемъ, они не чахли бы среди той духовной пустыни, которую изображаетъ изъ себя современное интеллигентное общество. Сколько бы новыхъ талантовъ, сколько бы творческихъ порывовъ зажглось въ обществѣ, которое вполне бы могло понять Гоголя, Достоевскаго! И какъ быстро бы пошло просвѣщеніе народныхъ массъ, если бы дѣло просвѣщенія находилось въ рукахъ людей, не чуждыхъ народу.

И. Кирилловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Христіанство и наука.

(См. № 33 журн. «Слово Церкви»).

Правда, въ философіи не безъ основанія утверждаютъ, что человѣкъ свободенъ не безусловно, а условно, или въ своей дѣятельности онъ часто долженъ поступать не такъ, какъ хочетъ, а какъ заставляютъ обстоятельства, это справедливо посколькѣ дѣло касается факта, а не самого принципа, самъ же принципъ отъ этого нисколько не теряетъ въ своемъ

²³⁾ «Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ совр.», стр. 326.

²⁴⁾ «Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ.» Стр. 150.

²⁵⁾ Авторъ этого сравненія.

²⁶⁾ «Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ.» Стр. 256.

Въ указанномъ Достоевскимъ № «Русскаго Вѣстника» напечатана статья Н. Субботина: «Русская старообрядческая литература за границей»; въ этой статьѣ довольно подробно, хотя и съ обычными «обличительными» приемами, описано содержаніе четырехъ книжекъ старообрядческаго журнала «Истина», издававшихся К. Е. Голубовымъ въ Іоганнесбургѣ, въ 1866—1868 гг.

²⁷⁾ Г-жа В. В. Т—ва была корректоромъ въ типографіи, гдѣ печатался «Гражданинъ», въ тотъ годъ, когда его редактировалъ Ѳ. М. Достоевскій.

²⁸⁾ «Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ...» Стр. 151.

бѣ и эту дощечку. Какой же послѣдовалъ отвѣтъ изъ министерства на прошеніе г. Жмаева? Министерство отказало въ просьбѣ и возвратило просителю металлическую дощечку въ разбитомъ видѣ: въ нашемъ русскомъ министерствѣ разбили ее на 13-ть мелкихъ частей. Разбивали ее, повидимому, топоромъ. Докладчикъ говоритъ, что этимъ дикимъ поступкомъ нанесено незаслуженное оскорбленіе, въ лицѣ старообрядчества, всему русскому народу. «Необъятно велико и неизмѣримо глубоко для всего русскаго народа значеніе подвига священномученика протопопа Аввакума и его духовныхъ дочерей—боярыни Морозовой и княгини Урусовой. Протопопъ Аввакумъ выполнилъ достойнѣе стать общерусскимъ національнымъ святымъ, выразителемъ нашего общенароднаго религіознаго устремленія». Авторъ доклада предлагаетъ соорудить часовню на мѣстѣ сожженія протопопа Аввакума и проситъ Освященный Соборъ объ установленіи церковнаго прославленія памяти этого священномученика.

По выслушаніи доклада, присутствовавшій на съѣздѣ *И. С. Жмаевъ* дополнилъ докладъ нѣкоторыми подробностями веденнаго имъ ходатайства о постановкѣ креста въ Пустозерскѣ на мѣстѣ сожженія священномученика Аввакума.

Съѣздъ постановилъ принять предложеніе докладчика о сооруженіи часовни на мѣстѣ сожженія протопопа Аввакума, а относительно той части доклада, въ которой говорится о канонизаціи священно-мученика Аввакума сдѣлать соответствующее представленіе Освященному Собору.

Представитель Боровской (Калужской губ.) старообрядческой общины *Ив. Пол. Капыринъ* устно доложилъ съѣзду по вопросу о постановкѣ памятника на могилѣ боярыни Морозовой и княгини Урусовой. Обѣ эти страдалницы мученически скончались въ Боровской земной тюрьмѣ. Всѣ Боровскіе старообрядцы объединились въ общемъ желаніи почтить память этихъ славныхъ мученицъ сооруженіемъ часовни на ихъ могилѣ. Начали собирать нужныя для сего суммы. Но мѣстная администрація запретила производить этотъ сборъ. Тогда Боровскіе старообрядцы обратились за разрѣшеніемъ на сборъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но министерство въ разрѣшеніи отказало. Съѣзду же, какъ уже было упомянуто, то же министерство не разрѣшило даже обсуждать этого вопроса. Теперь, подъ вліяніемъ нѣмецкаго нашествія, измѣнилось отношеніе правительства къ данному вопросу. Едва ли оно въ настоящее время будетъ стѣснять коренныхъ русскихъ людей въ проявленіи своихъ религіозныхъ и національных чувствъ. Г-нъ Капыринъ предлагаетъ воздвигнуть на могилѣ боярыни Морозовой и княгини Урусовой не часовню, а храмъ и проситъ, чтобы въ сооруженіи храма приняли участіе всѣ старообрядцы. Капыринъ представилъ съѣзду планы предполагаемаго къ постройкѣ храма.

Съѣздъ принялъ предложеніе Боровскаго представителя и постановилъ—поручить совѣту съѣзда осуществленіе этого предложенія.

Первый день съѣзда закончился рѣчью *П. П. Рябушинскаго*. «Почти всѣ вопросы,—началъ *П. П.*,—которыми мы сегодня занимались, разсматривались на прежнихъ нашихъ съѣздахъ. Два года прошло со времени нашего послѣдняго съѣзда. И ничего не перемѣнилось съ тѣхъ поръ. Намъ снова приходится обсуждать старые вопросы. Это—грустное явленіе. Когда дали намъ свободу, это было единственнымъ радостнымъ событіемъ въ нашей многострадальной исторіи. Но потомъ все пошло попрежнему. Наши вопросы стучатся въ дверь, жизнь развивается и усложняется. Хотѣлось бы быстрѣе двигаться впередъ. Но правительство не разрѣшаетъ еще старые наши вопросы. Нашу духовную жизнь связываютъ циркулярами. Смѣняются министры,

одни уходятъ, другіе замѣняютъ ихъ мѣсто, но прежніе циркуляры достаются имъ по наслѣдству, и самая система управленія остается прежняя. Но такъ дальше не должно быть. Мы увѣрены, что черезъ десять лѣтъ, можетъ быть и раньше, сама власть устыдится тѣхъ мѣръ, которыя она примѣняетъ теперь къ старообрядцамъ. Будутъ всѣ удивлены: кому это нужно было? Наши желанія и просьбы—крайне умѣренныя. Но они не получаютъ нужнаго удовлетворенія. Съ нами поступаютъ унижительно. Мы просимъ—намъ отказываютъ. И каждый изъ насъ чувствуетъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Въ то же время мы всѣ понимаемъ, что задержка нашего развитія не въ интересахъ государства. Ходатайства наши разсѣиваются по министерствамъ и мы вынуждены ждать какой-то подачки въ каждомъ единичномъ случаѣ. Но такъ не дѣлаются государственныя дѣла. Цѣлый рядъ лѣтъ не удовлетворяются наши ходатайства. Намъ нужно выработать общее обращеніе къ правительству, какъ желаетъ и проситъ нынѣ вся Россія. Когда станутъ у власти новые люди, когда власть будетъ управлять страной на иныхъ основахъ, чѣмъ теперь,—тогда только наши желанія и просьбы, будутъ удовлетворены».

Рѣчь *П. П.* вызвала у всѣхъ членовъ съѣзда единодушные голоса одобренія и благодарности.

Д. В. Сироткинъ отъ имени съѣзда выразилъ благодарность присутствующимъ епископамъ за ихъ участіе въ трудахъ съѣзда.

Относительно занятій слѣдующаго дня предсѣдатель заявилъ, что въ часъ дня начнется сначала закрытое совѣщаніе членовъ съѣзда по выработкѣ предложеннаго *П. П. Рябушинскимъ* общаго обращенія и по вопросу о замѣщеніи московской архіепископіи, послѣ же совѣщанія будетъ открытое засѣданіе съѣзда, на которомъ будетъ исчерпана вся программа настоящаго съѣзда и заслушаны труды и резолюціи избранныхъ съѣздомъ комиссій: редакціонной, по вопросу о бѣженцахъ, объ институтѣ и положеніи учителей и законоучителей.

Послѣ обычныхъ трехъ поклоновъ, засѣданіе перваго дня было закрыто.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старообрядчество и русская культура.

(См. № 37 журн. «Слово Церкви»).

Наши «западники», «либералы» и т. п., не понимая Гоголя, Достоевскаго, не могли понять и самого русскаго народа, а, слѣдовательно, и старообрядчества. Для характеристики приведемъ выдержку изъ письма *В. Г. Бѣлинскаго* къ *Н. В. Гоголю* по поводу его книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»:

«Ей (т.-е. Россіи) нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью...»²⁹⁾

По мысли *Бѣлинскаго*, ученіе Церкви несообразно не съ здравымъ смысломъ и не съ справедливостью. Замѣтимъ кстати, что письмо *Бѣлинскаго* явилось своего рода мани-

²⁹⁾ *Ө. Нелидовъ*. «Западники 40-хъ годовъ». Стр. 176.

фестомъ интеллигенціи, его читала «вся» образованная Россія, читала и восторгалась. Далѣе Бѣлинскій писалъ:

«По-вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ—ложь! Основа религіозности есть піетизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ имя Божіе, почесывая себѣ... Онъ говоритъ объ образѣ: годится молиться, а не годится—горшки покрывать. Приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите, что это по натурѣ *глубоко-атеистическій народъ*. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ—Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными, и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ, у него слишкомъ много для этого здравого смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ... Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, *столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа, и столь ничтожныхъ передъ нею числительно*»³⁰⁾.

Вотъ понятіе интеллигенціи о духовномъ обликѣ русскаго народа. За Бѣлинскимъ почти то же самое повторяли—Чернышевскіе, Добролюбовы, Писаревы и т. д. Интересно отмѣтить, что, наговоривши собственныхъ измышленій о русскомъ народѣ, Бѣлинскій опредѣлилъ старообрядчество какъ «противоположное по духу своему массѣ народа» и «ничтожнымъ числительно». Все, что написано о старообрядствѣ людьми, хотя сколько-нибудь его знающими, утверждаетъ какъ разъ обратное относительно близости духа русскаго народа и старообрядчества, а относительно «числительности» старообрядчества, очевидно, неистовый въ другое время Виссаріонъ, трогательно позаимствовалъ изъ правительственныхъ свѣдѣній, *на этотъ разъ* заслуживавшихъ въ глазахъ Бѣлинскаго полное довѣріе. Въ «Записной книжкѣ» Ѳ. М. Достоевскаго есть весьма интересная замѣтка о Бѣлинскомъ:

«*Бѣлинскій*. Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей съ необычайнымъ желаніемъ—каждый разъ, съ воспріятіемъ новаго, *растоптатъ все старое*, съ ненавистью, съ оплеваніемъ, съ позоромъ. Какъ бы жажда *отмщенія старому*: «и я сжегъ все, чему поклонялся»³¹⁾.

Въ этой краткой, но замѣчательно вѣрной и глубокой, характеристикѣ Достоевскимъ «владельца думъ» русской интеллигенціи сказывается близость Ѳ. М. Достоевскаго къ русскимъ національнымъ началамъ, къ тому, что дорого и близко старообрядчеству. Въ приведенной замѣткѣ Достоевскаго Бѣлинскій опредѣленъ какъ антиподъ старообрядчеству.

Взгляды В. Г. Бѣлинскаго раздѣляло все тогдашнее интеллигентное русское общество, за исключеніемъ небольшого кружка славянофиловъ; подобными взглядами питалась не только публицистика, но ихъ принимала за непреложное и изящная литература въ лицѣ И. С. Тургенева. Романъ «Дымъ» есть переложеніе манифеста Бѣлинскаго на ноты беллетристики. Ѳ. М. Достоевскій питалъ къ И. С. Тургеневу безотчетное непріязненное чувство, но поддерживая съ нимъ внѣшне отношенія знакомыхъ людей, дѣлился съ нимъ своими взглядами. О разговорахъ съ Тургеневымъ Достоевскій сообщалъ въ своихъ письмахъ. Такъ, письмо Достоевскаго къ А. Н. Майкову отъ 16-го августа 1867 года мож-

но бы вполне противопоставить письму Бѣлинскаго къ Гоголю. Въ своемъ письмѣ Достоевскій пишетъ:

«Между прочимъ, онъ (И. С. Тургеневъ) говорилъ, что мы должны *ползати передъ нѣмцами*, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая, это—цивилизациа, и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности—свинство и глупость».

Нѣсколько ниже Достоевскій въ томъ же письмѣ рассказываетъ:

«Я перебилъ разговоръ; заговорили о домашнихъ и личныхъ дѣлахъ, я взялъ шапку, и какъ то совсѣмъ безъ намѣренія, къ слову, высказалъ все, что накопилось въ три мѣсяца въ душѣ отъ нѣмцевъ. «Знаете ли, какіе здѣсь плуты и мошенники встрѣчаются? Право, черныи народъ здѣсь гораздо хуже и безчестнѣе нашего, а что глупѣе, то въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Ну, вотъ, вы говорите про цивилизацію; ну, что сдѣлала имъ цивилизація, и чѣмъ они могутъ предъ нами похвастаться?» Онъ (т.-е. И. С. Тургеневъ) поблѣднѣлъ (буквально, ничего, ничего не преувеличиваю) и сказалъ мнѣ: «Говоря такъ, вы меня лично обижаете. Знаете, что я здѣсь поселился окончательно, что я самъ считаю себя за нѣмца, а не за русскаго, и *горжусь этимъ*»³²⁾.

Насколько чужды «западники» всему тому, что дорого и близко русскому сердцу, лучше всего показываютъ слова изъ дневника вождя нашихъ «западниковъ»—А. И. Герцена:

«Мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ начинаютъ быть противны; этотъ суетный, сорокалѣтній паренъ Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій *нелѣпный* призракъ русско-византійской церкви, дѣлающейя всемірной, повторяющій одно и то же, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче—завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и, чортъ знаетъ, что... Даже И. В. Кирѣевскій странный, при всемъ благородствѣ. *Бѣлинскій правъ*»³³⁾. (Дневникъ А. И. Герцена, записано подъ 4 сент. 1844 г.).

Приведенные отрывки изъ мнѣній корифеевъ «западничества» объясняютъ тотъ уклонъ мысли русскаго общества (его подавляющаго большинства), который противоплагается иному уклону, на сторонѣ котораго можно поставить славянофиловъ, Гоголя, Достоевскаго, Вл. Соловьева, и который неизмѣримо ближе къ старообрядчеству, чѣмъ понятія Бѣлинскаго, Герцена и иже съ ними. На знамени «западниковъ» написано: «усовершенствованіе общественныхъ формъ», а на знамени ихъ противниковъ—«внутреннее устроеніе личности». Но было бы грубой ошибкой сдѣлать тотъ выводъ, что славянофилы и ихъ духовные преемники были *противъ* усовершенствованія общественныхъ формъ. Наоборотъ—они были искренними сторонниками реформъ, но *главное*, центръ тяжести своей жизни полагали не въ общественно-политической жизни, а въ устроеніи души человѣческой. Благодаря этому *главному*, въ славянофильствѣ, въ его общественной дѣятельности не было того духовнаго мѣщанства, той обывательской пошлости, которая такъ была противна, на примѣръ, Константину Леонтьеву, и которая, наконецъ, создала душевную драму А. И. Герцену.

При опредѣленіи интеллигенціей отношенія старообрядчества къ культурѣ всегда былъ и будетъ тотъ недостатокъ, что наша интеллигенція, скажемъ прямо, въ вопросахъ религіи невѣжественна, а безъ религіозности въ душѣ нельзя понять старообрядчества, его культурныхъ цѣнностей и дальнѣйшихъ возможностей.

С. Н. Булгаковъ характерно намѣчаетъ тотъ историче-

³⁰⁾ Тамъ же, 182 и слѣд.

³¹⁾ «Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ...» Стр. 326.

³²⁾ «Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ...» Стр. 242.

³³⁾ Ѳ. Нелідовъ. «Западники 40-хъ годовъ». Стр. 227.

скій путь, идя которымъ наша интеллигенція утратила религію:

«Поразительно невѣжество нашей интеллигенціи въ вопросахъ религіи. Я говорю это не для обвиненія, ибо это имѣетъ, можетъ быть, и достаточное историческое оправданіе, но для діагноза ея духовнаго состоянія. Наша интеллигенція по отношенію къ религіи просто еще не вышла изъ отроческаго возраста, она еще не думала серьезно о религіи и не дала себѣ сознательнаго религіознаго самоопредѣленія, она не жила еще религіозной мыслью и остается поэтому, строго говоря, не выше религіи, какъ думаетъ о себѣ сама, а внѣ религіи. Лучшимъ доказательствомъ всему этому служить историческое происхожденіе русскаго атеизма. Онъ усвоенъ нами съ Запада (недаромъ онъ и сталъ первымъ членомъ символа вѣры нашего «западничества»). Его мы приняли, какъ послѣднее слово западной цивилизаціи, сначала въ формѣ вольтерьянства и матеріализма французскихъ энциклопедистовъ, затѣмъ атеистическаго социализма (Бѣлинскій), позднѣе матеріализма 60-хъ годовъ, позитивизма, фейербаховскаго германизма, въ новѣйшее время—экономическаго матеріализма и—самые послѣдніе годы—критицизма. На многовѣтвистомъ деревѣ западной цивилизаціи, своими корнями идущемъ глубоко въ исторію, мы облюбовали только одну вѣтвь, не зная, не желая знать всѣхъ остальныхъ, въ полной увѣренности, что мы прививаемъ себѣ самую подлинную европейскую цивилизацію. Но европейская цивилизація имѣетъ не только разнообразныя плоды и многочисленныя вѣтви, но и корни, питающіе дерево и, до извѣстной степени, обезвреживающіе своими здоровыми соками многіе ядовитые плоды. Потому даже и отрицательныя ученія на своей родинѣ, въ ряду другихъ могучихъ духовныхъ теченій, имѣютъ противоборствующихъ, имѣютъ совершенно другое психологическое и историческое значеніе, нежели когда они появляются въ культурной пустынѣ и притязаютъ стать единственнымъ фундаментомъ русскаго просвѣщенія и цивилизаціи»³⁴).

И. Кирилловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзоръ печати.

Старообрядческое искусство.

Извѣстный знатокъ древне-русскаго искусства г. П. Муратовъ въ своихъ «Художественныхъ замѣткахъ», напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», даетъ описаніе «неизвѣстной Москвы». Это—старообрядческая Москва, съ ея религіозными и церковными святынями, въ которыхъ г. Муратовъ, какъ художникъ, видитъ прежде всего высоко-художественную цѣнность.

Извѣстно,—говоритъ онъ,—что хуже всего знаютъ достопримѣчательности какого-нибудь города какъ разъ самые коренные жители этого города. Я зналъ лондонцевъ, не побывавшихъ ни разу въ Британскомъ музеѣ, и римлянъ, не видѣвшихъ залъ Ватикана. Москвичи менѣе чѣмъ кто-либо изъятые изъ этого страннаго правила. Всѣ мы очень любимъ Москву, но мы всѣ знаемъ ее очень плохо. Намъ трудно передать «чужимъ» то чувство, которое внушаетъ намъ Москва. У Москвы есть, конечно, свой особый духъ, своя душа, такъ же какъ есть она, напримѣръ, у Петербурга. Но въ то время, какъ духъ Петербурга съ такой опредѣ-

ленностью и «дѣйствительностью» выраженъ въ панорамическихкихъ видахъ Невы, въ архитектурныхъ ансамбляхъ Театральной улицы и Сенатской площади, наконецъ—въ тысячахъ совершенно конкретныхъ чертъ и подробностей въ родѣ рѣшетокъ каналовъ и плитъ набережной,—духъ Москвы представляется чѣмъ-то весьма неуловимымъ.

Москва менѣе всѣхъ другихъ большихъ городовъ Европы располагаетъ къ прогулкамъ. Лишь проходя случайно по какому-либо изъ переулковъ между Пречистенкой и Арбатомъ въ одинъ изъ тихихъ дней начала зимы, мы останавливаемся на минуту, чтобы вздохнуть свѣжесть перваго снѣга, и вмѣстѣ съ ней выдыхаемъ тогда положительно нигдѣ не испытываемое съ такой силой чувство уюта и тепла жизни. Но, повторяю, такая минута—счастливый случай, и ни одинъ изъ московскихъ переулковъ не можетъ, конечно, сдѣлаться цѣлью прогулки. Узнать же городъ можно только благодаря прогулкамъ, и если когда-нибудь появится хорошій путеводитель по Москвѣ, онъ, навѣрно, будетъ написанъ чловекомъ, который много ходилъ по Москвѣ. Такого путеводителя пока нѣтъ, ибо москвичи не умѣютъ и не любятъ прогулки такъ, какъ умѣютъ и любятъ дѣлать ихъ петербуржцы и особенно парижане.

Въ будущій путеводитель войдутъ, конечно, и такія неожиданныя московскія достопримѣчательности, какъ превосходныя картины старой фламандской школы въ прекрасной «ампирной» церкви всѣхъ Скорбящихъ Радости, на Ордынкѣ, или какъ палаццо въ строгомъ стилѣ Палладіо, недавно выстроенный на Спиридоновкѣ талантливейшимъ архитекторомъ г. Жолтовскимъ. Пока же весьма мало извѣстны въ сущности и гораздо болѣе «офіціальныя», если можно такъ выразиться, достопримѣчательности,—московскіе монастыри, церкви и даже самый Кремль. Огромное художественное впечатлѣніе, которое произвела иконопись на выставкѣ древне-русскаго искусства, служитъ какъ бы ручательствомъ живѣйшаго интереса къ московскимъ церквямъ, который долженъ проявиться въ самомъ скоромъ времени. Что содержатъ въ своихъ стѣнахъ московскіе монастыри и церкви, какія открытія готовятъ они тому, кто ради энтузіазма передъ искусствомъ рѣшится, наконецъ, сдѣлать ихъ цѣлью ряда прогулокъ,—все это мало кому, пока извѣстно.

Но что такому «охотнику» за художественными впечатлѣніями нечего бояться разочарованія, о томъ свидѣлствуютъ хотя бы столь мало оцѣненные стѣнные росписи эпохи Годунова въ лѣтнемъ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря и еще болѣе того свидѣлствуютъ совсѣмъ никому невѣдомые и, въ то же время изумительно прекрасныя иконостасы XVI вѣка въ придѣлахъ Благовѣщенскаго собора. Придѣлы эти помѣщаются на крышѣ собора, занимая три «главки» изъ четырехъ, группирующихся вокругъ центрального купола. Зимой, когда на крышѣ собора лежитъ снѣгъ, въ нихъ вовсе нельзя проникнуть. Драгоценныя и мастерскія иконы предоставлены тогда дѣйствию мороза. Но надо удивляться необычайной стойкости и прочности древняго письма,—ни морозъ, ни лѣтняя жара, чувствительная на металлической крышѣ, не оказали на эти иконостасы особенно разрушительныхъ вліяній. Изъ чего не слѣдуетъ, конечно, что о нихъ и не надо заботиться. Заботиться о нихъ необходимо хотя бы по одному тому, что эти удивительно сохранныя и какимъ-то чудомъ избѣжавшія позднѣйшихъ прописей иконы, удержавшія даже старинную басму, производятъ одно изъ самыхъ сильныхъ и цѣльныхъ впечатлѣній въ ряду тѣхъ, которыя даютъ испытывать древне-русское искусство.

Къ сожалѣнію, немного шансовъ остается встрѣтить гдѣ-либо еще въ православныхъ московскихъ церквяхъ памятники старой русской живописи, такъ же удачно избѣжавшіе искаженій. Православное духовенство, не отличавшееся впрочемъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ общественныхъ слоевъ, не умѣло беречь и цѣнить художественную старину. Тому, кто послѣ выставки въ «Дѣловомъ Дворѣ» заинтересовался бы древне-русской живописью, остается какъ будто одинъ выходъ: обратиться къ собраніямъ частныхъ лицъ, ибо Москва, какъ это ни странно, лишена и такихъ общественныхъ коллекцій, какими располагаетъ Петербургъ въ музеѣ Александра III. По счастью, то, чего не сдѣлало государство и о чемъ не позаботилось во-время общество, успѣли сдѣлать въ Москвѣ немногіе люди, и даже совсѣмъ простые люди. Благодаря трудамъ и заботамъ старообрядцевъ въ Москвѣ создались храмы совершенно особаго типа, — подлинные храмы-музеи.

Будущій составитель московскаго путеводителя, несомнѣнно, отнесетъ къ главнымъ достопримѣчательностямъ Москвы старообрядскія церкви на Рогожскомъ кладбищѣ и особенно старообрядскій соборъ во имя Успенія Богородицы,

³⁴) С. Н. Булгаковъ. «Два града». Т. II, стр. 185 и слѣд.

сти обнаруживаніе по волѣ Всемогущаго во времени. Но развѣ въ этомъ случаѣ управленіе, вѣчное созиданіе міра не есть дѣланіе Божіе. Его мысль и Онъ не есть ли Едино. Этого мало.

Творецъ далъ жизнь созданіямъ, поставленнымъ выше общихъ законовъ бытія, выше необходимости, съ свободнымъ даромъ воли, съ способностью вліять и на внѣшнее «природное» и съ полнымъ правомъ самоопредѣленія въ отношеніяхъ къ другимъ существамъ. Эти созданія — духи и люди.

Духи? Гдѣ-то мы указывали, что существованіе vyšшихъ сознаній требуется не только Писаніемъ, но и разумомъ: если есть сознаніе человѣческое, мыслимо ли, чтобы не было сознанія высшаго въ волнахъ вѣковъ и пространствъ» (Оливеръ Лоджъ, проф. физики).

Дѣйствія этихъ сознаній внѣ плана Божія: даровавъ волю свободную, для блага существъ, Господь поставилъ, такъ сказать, границу Самому Себѣ, хотя, конечно, общіе концы судебъ всѣхъ созданій въ Рукѣ и Мысли Его. Свободныя воли, живущія во вселенной, отъ свѣтоносныхъ силъ до «денницы», опустившейся въ тьму, до человѣка, могутъ, какъ мы сказали, дѣйствовать на міръ и жизнь измѣнять частью и физическое лицо міра и еще больше давать направленіе духовной жизни міра.

Конечно, паденіе Денницы вызвало потрясеніе міра, его въ другой области вызвало грѣхопаденіе. Какое положеніе можетъ принять къ житію этихъ волей Верховный Владыка вселенной? Онъ не можетъ удалиться отъ міра, который создается Его Мыслью. Онъ не можетъ не содѣйствовать установленію вѣчнаго плана движенія духовныхъ существъ. Слѣдовательно, Онъ долженъ быть Промыслителемъ міра.

Онъ охраняетъ бытіе міра, которое по существу своему не вѣчно и уничтожимо (законъ объ уничтожимости матерій извѣстенъ наукѣ); онъ охраняетъ нравственный міропорядокъ по цѣлямъ вѣчнаго усовершенствованія; онъ охраняетъ души, эту вѣчную и безконечную цѣнность, превосходящую цѣной всѣ «золотыя точки» вселенной.

Это и есть промыслъ.

Вы скажете, что и всѣ дѣйствія духовныхъ единицъ и всѣ измѣненія, какія могли произойти отъ нихъ, отъ вѣчности были въ Разумѣ Бога и, значить, опять-таки ихъ «ограниченіе» отъ вѣка опредѣлено Вѣчнымъ Разумомъ.

Конечно, Гете (въ разговорахъ съ Эккерманомъ) сказали, что Богъ не знаетъ, что выйдетъ изъ чудеснаго акта воли. Это сказано слишкомъ много и, разумѣется, невѣрно, но вѣрно то, что свободныя дѣйствія тварей не *предустановлены*, не въ цѣпи причинностей. И потому Высшій Разумъ, такъ сказать, всегда реально стоитъ рядомъ съ міромъ дѣйствія воли Его твореній.

Что это такъ, свидѣтельствуютъ: 1) сознаніе души человѣческой. 2) исторія человѣчества.

Епископъ Михаилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старообрядчество и русская культура.

(Окончаніе; см. № журн. «Слово Церкви»).

Судьба какъ бы испытывала старообрядчество, и ставила его до подробностей въ то же положеніе, что и интеллигенцію. Герценъ и его единомышленники покинули Россію и поселились за рубежомъ—въ Англіи, гдѣ начали издавать журналъ, на каждой книжкѣ котораго стоялъ эпиграфъ:

Да здравствуетъ разумъ!» Щарообрядцы, чтобы сохранить свою вѣру также перешли рубежъ, между прочимъ, поселились въ Восточной Пруссіи, и тамъ, въ Іоганнисбургѣ (приходъ Войнова) основали киновію, завели славянскую типографію и также начали издавать журналъ, на книжкахъ котораго эпиграфомъ стояли слова: «Мы стоимъ за церковь и государство». И оба журнала выходили одновременно. До сихъ поръ, кромѣ эпиграфовъ—полная параллель, но какъ только развернете страницы интеллигентскаго «Колокола» и «Общаго Вѣща», а затѣмъ—небольшія сѣренкія книжки съ славянскимъ шрифтомъ старообрядческой «Истины»,—увидите, какая между ними пропасть. Наиболѣе дѣятельный сотрудникъ «Общаго Вѣща» Н. П. Огаревъ велъ постоянную переписку съ редакторомъ «Истины» К. Е. Голубовымъ, и эта переписка превратилась въ полемику по самымъ основнымъ вопросамъ міровоззрѣнія «западниковъ» и «славянофиловъ». Выше былъ уже приведенъ отрывокъ изъ статьи К. Е. Голубова: «Истинное благо», какъ параллель къ «духовному завѣщанію» Н. В. Гоголя; отрывокъ этотъ уже до извѣстной степени характеризуетъ міровоззрѣніе редактора «Истины».

Въ статьѣ «Выдержка изъ письма нашему старознакомому путешественнику» находимъ вполне опредѣленно выраженный взглядъ на дѣятельность лондонскихъ эмигрантовъ:

«Въ теченіе семи лѣтъ звенѣлъ и гудѣлъ журналъ («Колоколъ»), во всю мочь разглашая превратныя понятія. Изъ безуспѣшности его видно, что разглашалъ понятія, несообразныя съ духомъ русскаго народа»⁵²). Н. П. Огаревъ въ одномъ изъ своихъ писемъ призывалъ К. Е. Голубова къ свободѣ и совѣтовалъ ему не навязывать ему какой бы то ни было религіи. Въ отвѣтъ Н. П. Огареву К. Е. Голубовъ напечаталъ въ «Истинѣ» свои «Частныя письма по общимъ вопросамъ» (всего четыре письма) за подписью: «Мужикъ».

Хорошо,—лишетъ въ одномъ изъ писемъ К. Е. Голубовъ,—что вы вступаете въ разсужденіе, любезный Николай Платоновичъ⁵³), радуюсь и благодарю. Я прежде долженъ оговориться, что не стану вамъ навязывать религію, какую бы то ни было. Я отвращаюсь безсознательства. Я—ревнитель свободы, свободы высокой, совершенной, не только въ жизненно-матеріальномъ, но и въ умственно-идеальномъ отношеніи. Что мнѣ за польза въ неограниченности свободы матеріальной, когда меня стѣсняетъ самолюбіе, пристрастіе разъединяетъ, наказываетъ горестъ и отчаяніе, когда я рабъ, болѣе, нежели крѣпостной, своимъ безразсуднымъ стремленіемъ? Но человѣкъ свободы совершенной не то, у него предшествуетъ дѣянію разсужденіе и посредствуетъ между дѣяніями и желаніями, онъ безпристрастенъ, онъ по разсужденію дѣлаетъ всѣмъ добро и получаетъ отъ нихъ подобное же возмездіе»⁵⁴).

⁵²) «Истина», кн. 3-я.

⁵³) Николай Платоновичъ—Н. П. Огаревъ.

⁵⁴) «Истина», книга 3-я. (Письмо второе).

Приводимъ здѣсь перечень статей, напечатанныхъ въ первыхъ 4-хъ книгахъ «Истины», вышедшихъ въ Іоганнисбургѣ и представляющихъ библиографическую рѣдкость. Мы пользовались экземпляромъ, хранящимся въ Хлудовской библіоткѣ.

Книга 1-я. 1867 г.: Предисловіе «Лукавствовать не будемъ»... Ст. Константина Г-ва. «Истинное благо». (31 страница). Ст. К. Г. «Плодъ жизни». Эта статья содержитъ слѣдующія главы: 1) «Древо разсужденія познается отъ плодовъ жизни»; 2) «Вліяніе юности въ старость»; 3) «Старость жнетъ свой посѣвъ». (48 страницъ). Окончаніе статьи К. Г. «Истинное благо» (10 стр.). Ст. ** «Образованность». Надъ заглавіемъ напечатано: «По поводу статей В. Ламанскаго. Посвящается въ журналъ министерства Народнаго Просвѣщенія». (22 страницы). Ст. К-нъ. «Союзъ вѣры». (12 стр.). Отъ редакціи. Отвѣты на запросы: «Въ М.»; «На Донѣ»; «Въ Австрію, въ Буковину»; «Въ Петербургъ». Г-ну В., автору статей «Инокъ Павелъ».

Въ письмѣ отъ 14-го сентября 1867 года находимъ весьма интересныя строки, которыми К. Е. Голубовъ опредѣлилъ душевную драму А. И. Герцена:

«Вашъ сотрудникъ, испытавъ въ послѣдствіи обличительное обуреваніе словесныхъ волнъ, очень близко задомъ подошелъ къ истинному понятію о современной безнравственности всѣхъ западныхъ націй, и читая его статьи, подъ заглавіемъ «Порядокъ торжествуетъ», невольно радуешься о близкости соединенія съ единствомъ благонравствія право-понимающаго народа... Но не оглянулся Александръ Ивановичъ!»⁵⁵⁾.

А. И. стоялъ близко къ истинному понятію о мѣщанствѣ западной жизни, но стоялъ, обернувшись спиной и повернуться ему мѣшало уже сдѣлавшееся привычнымъ его міровоззрѣніе. Такъ можно грубымъ контуромъ очертить душевную драму А. И. Герцена⁵⁶⁾. Ту же драму пережилъ и другой членъ кружка А. И. Герцена—В. И. Кельсіевъ, но послѣднему хватило рѣшимости быть искреннимъ предъ самимъ собой. И, какъ видимъ,—объ эти драмы такъ были понятны старообрядцамъ. Мы пытались охарактеризовать двѣ культуры, которыя живутъ на русской землѣ; къ одной изъ нихъ принадлежитъ русская интеллигенція и бюрократія, къ другой—причисляли себя наши свободные умы; къ ней же стремится въ лицѣ старообрядчества и весь русскій народъ. Только опредѣленно установивши фактъ существованія на Руси двухъ началъ, на которыхъ чають воздвигнуть культуру, можно ставить вопросъ объ отношеніи старообрядчества къ культурѣ. Возникновеніе старообрядчества, его непримѣрная вѣковая борьба за свою вѣру, сонмъ его мучениковъ и чаша святыхъ слезъ, пролитыхъ надъ разоренными храмами и попорченными могилами—вотъ культура, созданная старообрядчествомъ. И, вѣримъ, что эта культура въ судьбахъ русскаго народа будетъ имѣть значеніе несравненно большее, чѣмъ культура тѣхъ, которые гнали старообрядчество, жгли его на кострахъ, разоряли его храмы, оскверняли могилы, тысячами сжигали памятники письменности, кололи въ щепы древнія иконы, предъ которыми молился цѣлый рядъ поколѣній русскихъ людей, и которые клеймили послѣднихъ съ презрѣніемъ печатью не-вѣждъ. Двѣ противоположныхъ по существу культуры столк-

нулись на Руси и вырыли пропасть между двумя частями русскаго народа. Сколько неисчислимыхъ бѣдствій для народа проистекаетъ отъ этого раскола! Это уже не философская доктрина, не научная система, а сама жизнь. Она калѣчится этимъ раздѣленіемъ. Культура интеллигенціи даетъ единственный рецептъ противъ подобнаго болѣзненнаго состоянія, это—распространеніе культуры въ народъ; но мы видимъ, что даетъ въ жизни примѣненіе этого средства—посмотрите на фабричныя поселки, посмотрите на жизнь «средней» интеллигенціи! Сплошное и умственное и нравственное убожество. Къ счастью, среди той же интеллигенціи есть сторонники и другой культуры; они даютъ другую оцѣнку раскола между народомъ и интеллигенціей:

«... Въ деревенской глуши мы окружены людьми, но людьми темными и бѣдными, которымъ мы обязаны помогать, которыхъ мы призваны просвѣщать. Но эта помощь, это учительство, только оттѣняетъ ту бездну, умственную и житейскую, которая отдѣляетъ насъ отъ этихъ людей, но не наполняетъ ее. Чтобы она наполнилась, чтобы она изгладилась, нужно подняться выше. Только предъ Богомъ существуетъ равенство на землѣ. Только въ служеніи Ему дано намъ вкусить это равенство, коего неутомимо жаждетъ наша душа. Только тутъ, на клиросѣ бѣдной церкви, въ общихъ стараніяхъ о дѣлѣ, не приносящемъ никакой земной пользы, дано намъ нелицемѣрно чувствовать, дано намъ радостно сознавать, что малограмотный крестьянскій мальчикъ не хуже, а лучше насъ, что не мы ему, а онъ намъ оказываетъ великое благодѣяніе. Вѣдь по-церковному мы читаемъ плохо и въ церкви читать не дерзаемъ. Да и умѣемъ ли мы молиться такъ, какъ молятся крестьяне?»⁵⁷⁾.

Культура, созданная старообрядчествомъ, еще непонятна русской интеллигенціи; послѣдняя еще просто-на-просто недоразвилась до нея, и, наивно обвиняя старообрядцевъ въ приверженности къ «мелочамъ», во-первыхъ,—не можетъ понять того глубокаго и вѣчнаго смысла, который заключается въ религіозномъ культѣ, обрядѣ, а во-вторыхъ—сами обвинители въ своемъ обиходѣ, который они называютъ «жизнью культурнаго человѣка», окружены събѣтью дѣйствительно смѣшныхъ и вздорныхъ «обрядовъ».

Близко къ истинѣ въ опредѣленіи культурнаго значенія старообрядчества подходитъ В. Кельсіевъ: «Развитой человѣкъ, ставши во главѣ старообрядчества, могъ бы завести и школы, и академіи; его примѣръ не остался бы безъ подражателей; за нимъ пошли бы въ старообрядчество массы образованныхъ людей, которыя до сихъ поръ не идутъ только потому, что никто не подаетъ имъ примѣра. Не ученіе старой вѣры останавливаетъ; останавливаетъ мысль, что ее держать только мужики да купцы. Въ ней нѣтъ образованныхъ людей потому только, что до сихъ поръ образованные люди у насъ тянулись вслѣдъ за западомъ, считая все западное абсолютно истиннымъ и достойнымъ подражанія: будь то бакенбарды, кринолины, табакъ, схоластика. Въ отрицаніи западныхъ началъ цивилизаціи и въ стремленіи построить русскій міръ на русскихъ началахъ и состоитъ смыслъ и значеніе старой великорусской вѣры»⁵⁸⁾.

⁵⁷⁾ С. А. Рочинскій: «Сельская школа». Стр. 216.

⁵⁸⁾ Н. Субботинъ: «Расколъ, какъ орудіе зраждебныхъ Россіи партій». Стр. 169. (Изъ письма В. Кельсіева еп. Кириллу Мелитопольскому). Личность В. И. Кельсіева незаурядная и въ высшей степени интересная. Его духовное перерожденіе подъ явнымъ воздѣйствіемъ старообрядчества многое можетъ сказать тому, кто углубится въ изученіе основъ русской культуры. Членъ кружка А. И. Герцена, его сподвижникъ, сотрудникъ «Общаго Вѣща» и «Колокола», проживши нѣсколько лѣтъ среди старообрядцевъ духовно переродился. См., напр., его исповѣдь: «Пережитое и передуманное». Любопытно отмѣтить, что когда В. Кельсіевъ, понявъ свои прежнія заблужденія во взглядахъ на государственную власть, слѣдуя совѣтамъ старообрядцевъ, отдался русскимъ властямъ,

Книга 2-я. 1867 г.: «Бесѣда и поученіе святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго, на святую и великую Пятидесятницу, о равенствѣ и единствѣ власти отъ Христа чрезъ Духа Святаго данныя всѣмъ апостоломъ, и о Церкви и о вѣрѣ, на ней же основалъ Христосъ Церковь Свою». (18 страницъ). «Отрывокъ изъ исторіи Прускаго старообрядческаго монастыря». (72 страницъ). «Слово мирное старообрядцамъ о Церкви» (20 страницъ). Ст. ** «Проблески Ѳеодосіанъ». (28 страницъ) «Церковная иконопись». (12 страницъ) «Отъ редакціи».

Книга 3-я. 1868 г.: «Проявленіе Божества». (27 страницъ) «Произволъ». Ст. ** (Помѣчена 1864 годомъ) «Частныя письма объ общемъ вопросѣ»: «Письмо первое» (8 страницъ) отъ 1 іюня 1866, подпись «Мужикъ». «Письмо второе» (12 страницъ) отъ 12 іюля 1866 года. Подпись «Мужикъ». «Письмо третье». (17 страницъ) отъ 15 августа 1866 года. Подпись «Мужикъ». «Письмо четвертое». (32 страницъ) отъ 14 сентября 1867 года. Подпись «Мужикъ».

«Дарвинисту». Ст. ** (стр.).

Книга 4-я. 1868 г.: Ст. ** «Животъ міра». «По поводу лекцій, озаглавленныхъ «Душа человѣка и животныхъ», жертвуется профессору В. Вундту, въ Гейдельбергѣ». (19 страницъ). Ст. **. «Суевѣріе и безвѣріе». (15 страницъ) Ст. **. «Свобода» (25 страницъ). Статья помѣчена 1865 годомъ. «Происхожденіе растений». (34 страницъ) Ст. инока Варнавы. «Плачъ бѣднаго старообрядца о распряхъ и раздорахъ» (7 страницъ). «Милосердіе Прускаго правительства надъ нищими». (1 стр.). Ст. К-на «Народная вѣротерпимость». (2 страницъ).

⁵⁵⁾ «Истина». Кн. 3-я.

⁵⁶⁾ Ом. С. Н. Булгакова. «Душевная драма Герцена», въ сборн. «Отъ марксизма къ идеализму». II-градъ, 1903 г.

Твердая, живая вѣра въ Бога, въ загробную жизнь, принятіе въ себя Воскресшаго Христа—вотъ что опредѣляетъ отношеніе старообрядчества къ благамъ міра сего. Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія нашу земную жизнь, можно уяснить себѣ и тѣ основы, на которыхъ зиждется жизнь старообрядчества. Цѣнности земли и для старообрядчества имѣютъ значеніе, но не какъ цѣль, а лишь какъ средство, какъ орудіе для болѣе полного выявленія воли Божіей. Старообрядчество помнитъ заповѣдь: «Не сотвори себѣ кумира» и выполнѣ понятно, что оно сторонится отъ явленій той культуры, которая творила и творитъ многочисленныхъ кумировъ и «на верху горѣ» и «на земли низу».

И. Кирилловъ.

Обзоръ печати.

Страшные плоды современной культуры.

Настоящую войну, безостановочно истребляющую человѣческій родъ, одинъ изъ свѣтскихъ писателей, Т. Ардовъ, опредѣлилъ какъ дьявольскую мясорубку. Тотъ же писатель опредѣлилъ всѣ потуги и устремленія современнаго культурнаго человѣчества какъ постройку вавилонской башни.

Народы,* говоритъ г. Ардовъ, подымая страшный мечъ войны, не знаютъ, что творятъ. Смотрите на землю издалека, съ высоты, оттуда, гдѣ планеты несутся по своимъ орбитамъ, смотрите, какъ на реторту, въ которую алхимикъ положилъ и соль, и кислоту, и меркурія, и сѣру. Смотрите, съ какой злобой накидываются другъ на друга «элементы», какъ они шипятъ и воютъ и сотрясаютъ хрупкое стекло, какъ все дрожитъ, какъ клубится дымъ и паръ. Развѣ знаютъ элементы, кому суждено побѣдить въ концѣ-концовъ и кто пожретъ, и кто будетъ пожранъ, и что возникнетъ. Одинъ алхимикъ, безстрастно встряхивающій свой сосудъ, знаетъ это. Онъ знаетъ, что не побѣдитъ никто; что пожравшіе будутъ пожраны сами; что всѣ будутъ побѣждены; что то, что возникнетъ, будетъ совсѣмъ новое и не похожее ни на «меркурія», ни на сѣру, ни на одинъ изъ «элементовъ», которые онъ бросилъ другъ на друга.

Народамъ кажется, что они идутъ уничтожать врага ради того-то или во имя этого-то, и что «цѣль» у нихъ такая, или вотъ какая. Но развѣ знаютъ, что творятъ? О, если бы зналъ Навуходоносоръ, что выковыываетъ «молотъ» его пушекъ, бьющій по людскимъ тѣламъ, и въ какомъ лѣсу пробиваетъ дорогу его мечъ! Онъ, можетъ быть, въ бѣшенствѣ разбилъ бы молотъ и сломалъ бы мечъ. Если бы онъ зналъ, чему онъ служить, какимъ орудіемъ явился онъ, и въ чьихъ рукахъ! Онъ, можетъ быть, въ отчаяніи крикнулъ бы: «Не хочу!» Но онъ этого не знаетъ и не можетъ знать, потому что удѣлъ человѣчества—творя, не знать, что оно творитъ. Вдохновеніе правитъ міромъ, какъ поэтъ, пишущимъ стихи изъ звуковъ своего сердца, и какъ поэтъ не видитъ своей будущей поэмы, такъ ни одинъ Наполеонъ не увидитъ будущій Франціи. Вдохновеніе дикое и безумное, въ которомъ нѣтъ ничего отъ разума, но которое дѣйствуетъ какъ Божественный Разумъ.

И будутъ дни, когда будутъ оправданы и нѣмцы, и русскіе, и англичане, и французы, и славянинъ, вонзающій штыкъ въ славянина, потому что всѣ они съ одинаково блестящими священной обидой глазами шли драться за

то этотъ поступокъ выполнѣ понялъ и оцѣнилъ Ѳ. М. Достоевскій: «Про Кельсіена съ умиленіемъ прочелъ. Вотъ дорога, вотъ истина, вотъ дѣло! Знайте, однако, что всѣ наши либералишки, семинаро-соціального оттѣнка, взвѣдятся, какъ звѣри... Развѣ вы замѣчали хоть какую-нибудь серьезную идею въ нашихъ либералишкахъ? Одно только скаленіе зубовъ». (Письмо Ѳ. М. Достоевскаго А. Н. Майкову отъ 9 ноября, 1867 г.). Напечатано въ книгѣ: «Ѳ. М. Достоевскій, въ воспоминаніяхъ современниковъ»... Стр. 248.

правду, за красоту, за добро, за идею, за лучшее будущее человѣчества. Въ этомъ-то и трагедія, что всѣ. Всѣмъ улыбалась эта истина, всѣхъ позвала, крикнула на защиту, и всѣ пришли защищать ее. Но вотъ она неуловимая стоитъ въ сторонѣ, ничѣмъ не задѣтая, а они кинулись и истребили другъ друга. Съ одинаково блестящими глазами, съ одинаково вдохновенными лицами, съ мечомъ въ рукѣ и съ крестомъ въ сердцѣ, съ одинаковой пѣснью къ Богу!

«Элементы» въ ретортѣ, гдѣ совершается обмѣнъ и переходъ энергіи, орудія и матеріалы въ рукахъ Великаго Мастера, который спокойно постукиваетъ ими другъ объ друга, думая, можетъ быть, о чемъ-нибудь другомъ и привычно исполняя свою работу. Вотъ и готовы «сапоги будущаго»!..

Такъ было и всегда съ народами; судьба обрекла ихъ съ удивленіемъ глядѣть, какъ дерево, посаженное ими, приноситъ совсѣмъ не тѣ плоды, на которые они рассчитывали. Знаютъ ли идеологи воинствующей Германіи, какія сѣмена они бросаютъ въ утучненную кровью землю, какіе корни они вырываютъ и жгутъ? А если бы знали? Если бы поднялся край этого вдохновеннаго тумана, этого священнаго дыма, окутывающаго реторту алхимика, и они могли бы видѣть?! Если бы они увидѣли, что ихъ собственный мечъ рубитъ и крошитъ на куски тѣхъ идоловъ, на защиту которыхъ они его подняли, что стало бы съ ними?

И что, если это такъ и есть? Если успѣхъ Германіи несетъ съ собой разрушеніе германской идеи? Если, по мѣрѣ осуществленія, эта идея образуетъ въ свою собственную противоположность? Вѣдь, такъ бываетъ со всѣми идеями и такъ бываетъ съ человѣческой жизнью. Да, конечно, исторія цивилизаціи не мясорубка дьявола и не реторта алхимика. И человѣческія массы, какъ бы однородны онѣ ни были—не мертвые элементы, только что вырванные изъ хаоса. Нѣтъ, исторія—скорѣе мастерская художника, неисчерпаемая палитра котораго стремится все къ большему и большему разнообразію. Нѣтъ одинаковыхъ красокъ, нѣтъ похожихъ линій; все раздѣльно, все особо, все самостоятельно, все оригинально. Таковъ путь природы, которая отъ вѣка, отъ первыхъ дней творенія занималась только тѣмъ, что вырывала изъ предвѣчной тьмы, гдѣ царствуетъ великое «объединеніе» и однообразіе, отдѣльныя формы и вела ихъ къ разнообразію, къ неизреченно причудливому, непостижимо прекрасному разнообразію живого бытія. И таковъ и путь исторіи. Когда человѣчество утрачиваетъ извѣстную «сумму» своей свободы, оно утрачиваетъ ее даромъ: утрачиваетъ ради большей свободы. Это—принципъ жертвы, по которому бросали съ корабля, швыряемаго бурей, «Іону» въ жертву морю. Когда оно утрачиваетъ нѣчто отъ своей самобытности въ объединеніи, оно дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы сохранить другія стороны самобытности.

«Цѣль» то все-таки та же, великая, предвѣчная «цѣль»—сохраненіе свободы, спасеніе самобытности. Человѣчество, какъ человѣкъ, жизнь котораго символъ, страдая, погибаетъ на крестѣ и сходитъ во адъ, чтобы воскреснуть.

Вотъ міръ передъ нами явно идетъ къ объединенію, къ экономическому, политическому и всякому другому. Такъ. Онъ у порога новой жизни, онъ наканунѣ новаго періода исторіи.—Это великое движеніе. Но не надо думать, что только это происходитъ въ мірѣ. Происходитъ еще болѣе великое: объединяясь, человѣчество *разъединяется*, такъ какъ по мѣрѣ объединенія во все большія и большія группы, «единственное», вступая въ отдаленную и посредственную цѣпь зависимости, освобождается отъ зависимостей прямыхъ и непосредственныхъ, «единственное» становится свободнѣе.

Не къ однообразной массѣ, перемолотой въ мясорубкѣ дьявола, ведетъ природа человѣчество, а къ прекрасному царству Божію на землѣ, въ которомъ всѣ будутъ «вмѣстѣ» и въ то же время «отдѣльны», и общая «власть» будетъ гармонически примирена съ свободой отдѣльнаго.

Это далекое «царство Божіе», это вавилонская башня, которая еще строится въ мукахъ, но уже теперь должно быть видно, какіе камни годны для постройки и какіе работники.

И вотъ взгляните на міръ и на міровую политику. И вы увидите строителей, которые знаютъ, какъ строятся вавилонскія башни, и которые не знаютъ. Библейская «легенда» въ своемъ наивномъ разсказѣ уже давно открыла намъ, при какомъ условіи нельзя выстроить этой башни; но мы не умѣемъ вслушиваться въ символы древности! Библейская «легенда» сказала, что «при смѣшеніи языковъ» «башня до небесъ» никогда не будетъ выстроена. Смыслъ этой «сказки» о вавилонскомъ столпѣ, который разрушенный и донинѣ стоитъ въ пустынѣ, пугая путниковъ своимъ мрачнымъ ве-